Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Серия
«Ярославская юридическая школа начала XXI века»

А. В. Иванчин

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности
Юриспруденция*

Ярославль 2011

УДК 343.1
ББК Х628.101.0я73
И 23

Серия
«Ярославская юридическая школа начала XXI века»

Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2010/11 учебного года

Рецензенты:

Коняхин В. П., зав. кафедрой уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета, профессор,
доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ;
Ярославское правовое научно-исследовательское общество

Иванчин, А. В. Состав преступления: учеб. пособие / А. В. Иванчин; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 128 с. (Серия «Ярославская юридическая школа начала XXI века»)

ISBN 978-5-8397-0796-2

В пособии рассматриваются дискуссионные аспекты учения о составе преступления: его понятие, структура, соотношение с понятием и признаками преступления и малозначительного деяния, классификация составов преступлений, специфика отдельных видов составов, значение состава преступления в законотворческой и правоприменительной сферах. Автор предлагает переосмыслить некоторые догматичные положения теории состава преступления (об общественной опасности как признаке состава и др.).

Данная работа написана с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Уголовный кодекс РФ и иные нормативные акты приводятся по состоянию на 30 декабря 2010 г.

Рекомендуется студентам, обучающимся по специальности 030501.65 Юриспруденция (дисциплина «Уголовное право», блок ОПД), очной, очно-заочной форм обучения, а также преподавателям вузов, научным и практическим работникам.

УДК 343.1
ББК Х628.101.0я73

ISBN 978-5-8397-0796-2

© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Значение правильного понимания состава преступления для освоения, применения и совершенствования уголовного права трудно переоценить. Уголовное право можно сравнить со зданием, в фундамент которого встроен именно состав преступления. Состав преступления как юридическое основание уголовной ответственности выступает важнейшим инструментом и правотворческой, и правоприменительной деятельности в сфере борьбы с преступностью. При этом важно подчеркнуть, что только верное представление о составе служит ключом к правильной квалификации содеянного. Столь существенное значение состава общепризнано со времени выхода в свет серии работ А. Н. Трайнина, посвященных этому понятию¹. И по сей день составу преступления отдается должное в доктрине: «Учение о составе преступления – одна из самых важных составных частей уголовно-правовой теории... и имеет решающее значение в теории уголовного права в целом»². «Состав преступления (*corpus delicti*) – один из центральных категориальных, системообразующих институтов российского уголовного права. На его основе формируется Особенная часть УК РФ, устраняются законодателем выявившиеся пробелы уголовно-правового регулирования и охраны различных по аксиологическим (ценностным) оценкам общественных отношений, осуществляется правовая оценка, т. е. квалификация преступлений, дифференцируется тяжесть уголовной ответственности в зависимости от того, содержатся ли в действиях виновного лица признаки состава того или иного вида преступления», – отмечает Ю. И. Ляпунов³.

¹ См.: Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. М., 1946; Его же. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951; Его же. Общее учение о составе преступления. М., 1957.

² Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб., 2009. С. 11.

³ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 96 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

С учетом многообразия функций, которые выполняет состав преступления, Л. Л. Кругликов сравнивает его открытие в уголовно-правовой науке с созданием в химии таблицы Менделеева⁴.

На этом фоне, однако, в науке и юридической практике можно слышать критические (порой – резко критические) высказывания в отношении этого понятия. Так, А. П. Козлов пишет, что «состав преступления – абсолютно неопределенная, теоретически надуманная категория»⁵. Он полагает, что многие ученые пытаются придать составу «вселенское значение», а в действительности это «пустота», «условность»⁶. Несостоятельность данной позиции будет показана в первой главе настоящей работы. Здесь же отметим, что появление такой критики от пусть и категоричного в суждениях, но глубоко мыслящего исследователя – негативный симптом, сам по себе заслуживающий осмысления и оценки. Нам представляется, что это симптом застоя в разработке общих вопросов состава преступления.

Сегодня, как и прежде, выходят книги о составе преступления, но по преимуществу эти книги являются пересказом основных положений, выдвинутых еще А. Н. Трайниным, а затем его последователями в 60–70-х гг. прошлого века. При этом в ряде изданий, посвященных составу преступления, учение собственно о составе (его понятии, соотношении с родственными категориями, структуре, видах и т. п.) умещается на 15–20 страницах, а затем следует характеристика элементов состава: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны⁷. Даже в «Энциклопедии уголовного права» львиная доля книги о составе преступления (том 4) представляет собой освещение элементов состава⁸.

⁴ См.: Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 126.

⁵ Козлов А. П. Понятие преступления. СПб., 2004. С. 169.

⁶ Там же.

⁷ См., в частности: Агаев И. Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение: учеб. пособие. М., 2008. 335 с.; Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. М., 2009. 248 с.

⁸ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления

Вместе с тем совершенно очевидно, что подробный анализ этих элементов выходит за рамки учения о составе и является прерогативой иных разделов уголовно-правовой доктрины. Иначе как застоём сложившееся положение вещей не назвать. Появляются, правда, отдельные попытки «расшевелить» это догматичное и застывшее состояние, в котором оказалась разработка состава преступления⁹, но в целом картина не меняется.

В то же время наука во многих иных вопросах давно шагнула вперед и отсталость учения о составе преступления становится хорошей мишенью для опытных критиков. В связи с этим, на наш взгляд, назрела необходимость модернизации учения о составе преступления с сохранением лишь проверенных теорией и практикой истин. Полный же отказ от понятия состава не только неприемлем, но, по нашему мнению, даже вреден для уголовного права и его развития, что автор и попытается доказать на страницах настоящей работы.

/ отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2005. 797 с. (собственно состав преступления освещается на с. 3–86).

⁹ См., например: Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 1997; Его же. Концепция состава преступления в российском уголовном праве: сложившееся понимание и перспектива дальнейшего развития // Правоведение. 2008. № 3. С. 41–51.

Глава I. Характеристика состава преступления

§ 1. Понятие состава преступления

По свидетельству В. Спасовича, термин «состав преступления» в понятийный аппарат уголовного права ввел известный итальянский криминалист Fagnacius (Фаринаций) в своем сочинении «*Variae quaestiones et communes opiniones*» (1591 г.)¹⁰. Первоначально он имел чисто процессуальное значение и обозначал совокупность вещественных улик преступления и лишь в конце XVIII в., в связи с созданием уголовных кодексов, был перенесен в материальное уголовное право¹¹. В уголовном праве он стал обозначать совокупность существенных признаков преступления. Концептуального развития в дореволюционной отечественной науке уголовного права учение собственно о составе преступления не получило¹², хотя термин, обозначающий данное понятие, встречался в работах А. Ф. Кистяковского, С. В. Познышева,

¹⁰ См.: Спасович В. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб., 1863. С. 89. См. также: Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке... С. 122–127.

¹¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Состав преступления: спорные вопросы // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1987. № 4. С. 23.

¹² Данное мнение попытался опровергнуть Ю. А. Денисов: «Буржуазная уголовно-правовая наука (к которой он относит и российскую дореволюционную – А. И.) главным образом тем и занималась, что разрабатывала проблему состава преступления...» (Денисов Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности. Л., 1983. С. 77.). Думается, что это не так. Чтобы понять это, достаточно обратиться к самому капитальному труду того времени по Общей части уголовного права – курсу лекций Н. С. Таганцева. В нем вопросы собственно о составе преступления (его структуре, видах, соотношении с преступлением и т. п.) освещены на одной странице (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 141). Разумеется, подробно рассмотрены вопросы об элементах состава – субъекте, объекте, внутренней и внешней сторонах, но это, подчеркнем еще раз, вопросы не о самом составе.

П. П. Пусторослева, Н. Д. Сергеевского, Н. С. Таганцева и других видных криминалистов того времени.

Советскую науку, видимо, не удовлетворило такое положение вещей, поскольку уже в первой половине 1920-х гг. началась активная разработка проблем состава преступления. Завершилась эта работа острой научной дискуссией 1954–1955 гг., в результате которой большинство ученых пришло к выводу, что состав преступления – это совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих определенное общественно опасное деяние в качестве преступления¹³. Достигнутое единодушие в определении понятия состава преступления нашло отражение в работах А. Н. Трайнина, В. Н. Кудрявцева, А. А. Пионтовского и многих других криминалистов¹⁴. Я. М. Брайнин также отмечал, что «большинство определений состава преступления, даваемых отдельными авторами в советской науке уголовного права, характеризуют его как совокупность установленных советскими законами объективных и субъективных признаков, определяющих общественно опасное деяние как преступное»¹⁵. Под данную формулировку подходят и современные определения состава преступления¹⁶. Так, по мнению В. С. Комисарова, «состав преступления представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, предусмотренных уголов-

¹³ См.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1987. С. 42.

¹⁴ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 59–60; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 78; Пионтовский А. А. Курс советского уголовного права. Том II. Преступление. М., 1970. С. 89.

¹⁵ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 92.

¹⁶ См., например: Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 84; Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1997. С. 115; Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 97; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Изд. испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006. С. 86.

ным законом и характеризующих общественно опасное деяние как преступление»¹⁷.

На наш взгляд, эта классическая дефиниция не способна, как того требует формальная логика, «выделить данный предмет, отличить его от других предметов»¹⁸ (поскольку неясно, в качестве *какого именно* преступления состав характеризует деяние). Значит, указанное определение недостаточно удовлетворительно в научном отношении.

Кроме того, оно применимо лишь к основному составу преступления, совокупность признаков которого достаточна для отнесения соответствующего деяния к преступлениям. И в данном смысле следует согласиться с распространенным утверждением о *необходимости* и *достаточности* признаков состава для характеристики деяния как преступного¹⁹. В то же время очевидно, что квалифицирующие признаки состава не являются *необходимыми* для отнесения деяния к кругу преступных. Для этого достаточно и признаков основного состава, так называемых конструктивных. Например, признак проникновения в помещение или иное хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК) не обязателен для признания содеянного преступлением – кражей. Для этого достаточно всех признаков ч. 1 ст. 158 УК. Квалифицирующие признаки не обязательны для этого, они выступают средством дифференциации ответственности, что выражается в новых пределах наказуемости квалифицированного вида преступления.

¹⁷ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование. С. 35 (В. С. Комиссаров – автор главы о понятии состава преступления).

¹⁸ Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. М., 1999. С. 47.

¹⁹ См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2000; Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 307 (Н. Ф. Кузнецова – автор главы о составе преступления). Справедливым представляется замечание Л. Л. Кругликова о том, что учение о составе преступления традиционно ориентировано на основной состав преступления, признаки которого действительно минимально необходимы для обоснования уголовной ответственности (см.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 85).

«И без квалифицирующего обстоятельства дела имеется совокупность обстоятельств, необходимая и достаточная для квалификации деяния по основному составу определенного преступления», – писала Т. А. Костарева²⁰. Это дало повод ряду ученых соответствующим образом уточнить классическое определение состава преступления. Например, Е. В. Благов с учетом природы квалифицирующих признаков состава пришел к выводу, что «состав преступления – это совокупность признаков, предусмотренных Уголовным кодексом и определяющих преступность соответствующего деяния или дифференцирующих его наказуемость»²¹.

Однако и этот подход не дает ответа на вопрос, в качестве *какого именно* преступления состав характеризует деяние. Функциональное назначение признаков состава – определение круга преступного и дифференциация ответственности – лишь следствие обособления того или иного состава. Все это наводит на мысль, что совокупность признаков состава позволяет оценить деяние не как преступное вообще или преступное с усиленной (пониженной) ответственностью, а как *определенное* преступление. Так, квалифицированный состав убийства (ч. 2 ст. 105 УК) включает признаки, позволяющие охарактеризовать деяние именно как квалифицированное убийство, основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК) – именно как такую (простую) кражу, т. е. как специфическое преступление.

А запутывает суть дела, как обычно, проблема терминологического свойства: в доктрине отечественного уголовного права под *составом преступления* традиционно понимается *состав определенного преступления*. «Каждый состав преступления... есть юридическое понятие об определенном роде преступлении»²², – отмечал А. А. Пионтковский. Говорим «состав преступления», а подразумеваем состав какого-либо отдельного преступления (просто-

²⁰ Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль, 1993. С. 53.

²¹ Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). Ярославль, 2008. С. 30.

²² Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Том II. Преступление. С. 96.

го или квалифицированного убийства и т. д.). Потому понятна ценность суждения А. Н. Трайнина о конкретности каждого состава преступления. «Представляя собой совокупность элементов конкретного преступления, – писал он, – состав не может ни в одном своем "роде" или "виде" быть общим. Состав преступления всегда реален, всегда конкретен»²³ (отметим, что в данном контексте под конкретностью состава А. Н. Трайнин понимал не его наличие в деянии Иванова, Петрова и т. д., а законодательное понятие о каком-либо преступлении).

С позиции же логики такой подход, конечно, сомнителен, поскольку состав преступления есть уголовно-правовая категория, т. е. предельно широкое понятие в данной области знаний, над которым не может быть никаких еще более общих понятий. «Термин "состав преступления", – писал В. Е. Жеребкин, – выражает общее понятие, подобно тому, как осуществляют эту функцию термины "человек", "государство" и др.»²⁴. Поэтому более правильно, по мнению ученого, составом преступления именовать ту совокупность признаков, которая присуща всем без исключения преступлениям. Названную совокупность в науке принято называть общим составом преступления. Думается, однако, что отказ от общепринятой терминологии (прочно вошедшей и в законодательный оборот) – большее зло, нежели условность, вкладываемая в термин «состав преступления». Просто данную условность нужно иметь в виду, оперируя термином «состав преступления».

Итак, состав преступления есть система признаков (элементов) определенного преступления. Но что значит «определенное»? Какова мера этой определенности? Поскольку состав преступления описан в законе, является законодательным понятием об определенном преступлении, меру этой определенности резонно, на наш взгляд, искать в самом законе, в его структурных подразделениях, в том числе в диспозициях статей, которые, по

²³ Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 136.

²⁴ Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 72.

образному выражению А. Н. Трайнина, выступают «жилплощадь» состава преступления²⁵.

Отталкиваясь от этого, мы пришли к выводу, что под определенным преступлением должно понимать преступление, предусмотренное частью статьи или статьей Особенной части УК, если она не делится на части. Так, составом *определенного* преступления будет как основной (ч. 1 ст. 105) и квалифицированный (ч. 2 ст. 105 УК) составы убийства, так и состав доведения до самоубийства (ст. 110 УК). Если в части статьи выделены пункты, то они закрепляют альтернативные признаки одного и того же состава преступления. Например, убийство в составе преступной группы (п. «ж») и из корыстных побуждений (п. «з») – это альтернативные признаки одного и того же состава преступления, а именно квалифицированного состава убийства.

В пользу такого понимания рамок состава преступления говорит прежде всего тот факт, что именно данные структурные единицы УК (неделимые статьи или части статей) содержат самостоятельную санкцию. Санкция же строится (или должна строиться) в зависимости от того, запрет совершения *какого именно* преступления она подкрепляет. Кроме того, наказуемость как признак преступления находит свое предметное выражение в санкции статьи Особенной части. Понятно, что эта санкция дополняется положениями Общей части УК, но «ядро» наказуемости определяется санкцией статьи. Наказуемость же является признаком преступления, а потому ее «дозировка» в отдельном структурном элементе УК одновременно означает и то, что этот элемент содержит описание самостоятельного, отдельного преступления.

Добавим также, что в пользу нашего вывода свидетельствует и общепризнанное деление составов на основные, квалифицированные и привилегированные. В рамках данной классификации самостоятельное значение придается как составу, обрисованному в ч. 1 статьи Особенной части УК (ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 111, ч. 1 ст. 126 и т. д.), так и составу, предусмотренному частями вторыми статей (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 126 и т. д.).

²⁵ См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 274.

С учетом сказанного мы не согласны с позицией В. С. Прохорова по рассматриваемому вопросу: «ст. 102 УК РСФСР содержит тринадцать различных составов квалифицированного убийства»²⁶. Статье 102 УК РСФСР в действующем УК РФ соответствует ч. 2 ст. 105, также включающая множество альтернативных признаков. Еще более наглядно иллюстрирует позицию названного учебного следующее его высказывание: «Всякий раз, когда в диспозиции описан ряд действий (или других признаков, характеризующих преступление) и установления любого из них достаточно для признания в действиях лица состава преступления, по существу речь должна идти об альтернативной диспозиции, содержащей несколько различных составов преступлений. Так, например, если ст. 195 УК РСФСР говорит о похищении, уничтожении, повреждении или сокрытии документов, штампов и т. п., то это не значит, что в ней содержится описание одного, хотя бы и альтернативного, состава, а лишь особым образом формулируются четыре разных состава, каждый из которых обрисован совокупностью совершенно определенных признаков»²⁷.

Несколько иной взгляд на рассматриваемую проблему, но также не бесспорный, высказан В. Н. Кудрявцевым. Он полагал, что «следует говорить о наличии нескольких составов в трех следующих случаях:

а) две разновидности преступного поведения предусмотрены разными статьями УК. С этой точки зрения ст. 105 и 106 УК предусматривают два различных состава умышленного убийства;

б) разновидности преступных деяний предусмотрены в одной статье УК, но различаются между собой по непосредственному объекту, субъекту и форме виновности (а тем более по нескольким из этих признаков одновременно). С этой позиции имеется два состава в ст. 249 УК (нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями растений);

в) две разновидности преступления предусмотрены в одной статье, различаются только признаками объективной стороны

²⁶ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 268 (автор главы о составе преступления – В. С. Прохоров).

²⁷ Там же. С. 269.

или (и) предмета преступления, однако различия эти существенны (например, различны способы действия, последствия и т. д.). Так, в ст. 211 УК имеются, видимо, два состава: угон судна и его захват»²⁸.

Однако состав таков, каково его описание в законе, что справедливо отмечал автор первой из критикуемых позиций²⁹. Поэтому законодатель, конструируя состав, может создавать самые различные комбинации признаков, помещая их в один состав преступления или распределяя по разным составам. Состав – искусственное построение. Понятно, что в жизни уничтожение и сокрытие документов, угон и захват судна и т. д. – разные поведенческие акты, но ввиду идентичного либо близкого уровня опасности законодатель объединяет их в один состав преступления.

В свете сказанного представляется справедливой критика позиции А. Н. Попова относительно количества составов в ст. 106 УК. Статья 106 УК предусматривает пониженную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в случае, если такое убийство совершено 1) во время или сразу же после родов, либо 2) в условиях психотравмирующей ситуации, либо 3) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. А. Н. Попов считает, что в данном случае «речь идет о трех самостоятельных составах преступления», в основу выделения которых положены различные критерии (время совершения убийства, психическое состояние матери и обстановка, в которой оно совершается). Обединение же этих разных составов в указанной статье, по мнению данного автора, является неудачным³⁰.

«Необходимо всегда помнить, – обоснованно возражает М. Н. Каплин, – что состав преступления – научная абстракция, выделение путем анализа отдельных свойств единого явления. Все элементы состава находятся в зависимости друг от друга, отражаются друг в друге. Например, п. "б" ч. 2 ст. 105 УК предполагает не только специального потерпевшего (признак объекта),

²⁸ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 82.

²⁹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I. С. 271.

³⁰ См.: Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 10–11.

но и специфические мотив и цель. Убийство общественно опасным способом автоматически нарушает дополнительный объект: общественную безопасность. Подобных примеров масса. Рассуждая с этих методологических позиций, можно заметить, что психотравмирующая ситуация является привилегирующим обстоятельством не сама по себе, а как фактор, оказывающий негативное воздействие на психику матери. Период родов и следующий за ним временной отрезок также предполагает, что психическое состояние женщины предопределяется болезненными процессами, протекающими или только что протекавшими в ее организме, остаточными. Таким образом, можно утверждать, что законодатель придерживается одного критерия, выраженного через три альтернативных признака состава преступления. Использование же подобных признаков является одним из распространенных приемов законодательной техники конструирования одного состава, как основного (ст. 111, 171, 222, 228 УК и др.), так и квалифицированного (ч. 2 ст. 105 УК и др.)»³¹.

Нормативная природа состава преступления находит выражение и в структуре уголовного закона, дает нам четкий критерий для обособления состава. В. Н. Кудрявцев не случайно в первом пункте (п. а) утверждает, что разные статьи – это критерий выделения разных составов. Части статьи должно придаваться, по нашему мнению, такое же значение. Тем более с учетом установления за преступление, описанное в части статьи, самостоятельной санкции. Да и в плане квалификации рассматриваемые подходы сомнительны, поскольку при единстве умысла содеянное оценивается в рамках одной части статьи, невзирая даже на «существенные различия» в признаках, т. е. как единое преступление.

В последнем случае больше вопросов возникает к законодателю, который, несмотря на существенные различия в признаках преступлений, объединил их в один состав преступления. В развитие своей позиции В. Н. Кудрявцев писал: «... Если преступные посягательства направлены против различных общественных отношений (неодинаковые непосредственные объекты) или степени об-

³¹ Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. С. 145.

ществленной опасности лица существенно различны (статья предусматривает не единые субъект или форму виновности), есть основания усматривать два разных состава»³². Совершенно очевидно, что объединять в одной статье или части статьи столь разные по опасности деяния неправильно. Но если это сделано, то остается признать наличие единого состава, при установлении которого у суда появятся все законные основания в единых пределах оценивать разные по опасности акты поведения. Насколько обоснованно такое законодательное решение – вопрос теории конструирования состава преступления и совершенства уголовного закона.

Сделаем еще одну принципиальную ремарку. Определяя границы состава преступления в рамках отдельной статьи (неделимой на части) или части статьи Особенной части УК, мы не утверждаем, что в этом подразделении уголовного закона содержатся *все признаки* данного состава. Разумеется, нет, в статье или части статьи УК содержится лишь часть этих признаков. Другая их часть из соображений законодательной техники размещена в Общей части УК и – в порядке исключения – в примечаниях к статьям Особенной части. Примеры последних исключений – признаки должностного лица как субъекта должностных преступлений в примечании 1 к ст. 285 УК; негативные признаки объективной стороны основного и квалифицированных составов вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, отраженные в примечании к ст. 151 УК; негативные признаки субъекта в составе отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний – в примечании к ст. 308 УК³³.

³² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 82–83.

³³ Расположение признаков преступлений в примечаниях к статьям Особенной части УК не самый лучший, по нашему мнению, технический прием. По общему законодательно-техническому правилу эти признаки должны размещаться в диспозиции статьи или части статьи Особенной части УК, а также в соответствующих статьях Общей части УК. В порядке исключения можно использовать и иные технические приемы, например вводить в УК статьи о понятиях и терминах. Современный же УК, на наш взгляд, грешит примерами неоправданного использования примечаний в этих целях. Например, субъект преступ-

Большинство же общих признаков определенных преступлений выражено в Общей части УК РФ. Это, например, признаки субъекта (ст. 19–21), умысла (ст. 25), неосторожности (ст. 26), признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния, как негативные признаки преступления (ст. 37–42), и др. Особо следует упомянуть о признаках соучастия в преступлении и неоконченного преступления. Например, состав пособничества в краже, предусмотренной ч. 2 ст. 158 УК, обрисован в ч. 2 ст. 158 УК и ч. 5 ст. 33 УК, а также в иных статьях Общей части с общими признаками всех преступлений (в частности, в ст. 19–21, ч. 2 ст. 25, ст. 39 УК). Состав приготовления к совершению кражи, предусмотренной ч. 3 ст. 158, содержится в ч. 3 ст. 158 УК, ч. 1 ст. 30 УК и ряде иных положений Общей части.

Отсюда становится понятной наша позиция по двум спорным вопросам учения о составе преступления – наличию состава преступления при соучастии и в неоконченном преступлении; соотношению состава с диспозицией статьи (части статьи) УК.

Мы разделяем мнение о том, что состав преступления содержится не только в оконченном преступлении, совершенном исполнителем (такое поведение прямо обрисовано в статьях Особенной части УК РФ), но и в поведении соучастников преступления, а также при совершении приготовительных действий и покушения на преступление³⁴. В последних случаях признаки содеянного, предусмотренных ст. 308 и 316 УК, без необходимости частично обрисован в примечаниях к данным статьям. Помимо того, что примечания осложняют восприятие нормативного материала, в данном случае они создают еще и иллюзию наличия специальных видов освобождения от уголовной ответственности. Содержание этих примечаний могло быть выражено в тексте диспозиций статей. Так, с позиции техники напрашивалась следующая редакция ст. 308: «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, за исключением случаев отказа от показаний против себя самого, своего супруга или близких родственников». На наш взгляд, в подобной трансформации нуждается не только ст. 308 УК, но и многие иные подобные статьи с одновременной ликвидацией соответствующих примечаний.

³⁴ См.: Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 30; Алексеев Н. С., Смирнов В. Г., Шаргородский М. Д. Основание уголовной ответственности по со-

става преступления дополняются из Общей части УК (ст. 33, 30). В принципе, их можно было бы изложить и в Особенной части УК, применительно к каждой разновидности преступления. Но такой вариант неприемлем по техническим соображениям. Поэтому признаки соучастия и неоконченной деятельности законодателем «вынесены за скобки» и изложены в Общей части УК.

Что касается соотношения состава с диспозицией статьи или части статьи Особенной части УК, то после сказанного понятно, что ни один состав преступления полностью не может быть выражен в этих структурных единицах УК. Ряд признаков любого состава преступления обрисован за рамками диспозиций статей. Это сделано в Общей части УК, а иногда и в примечаниях к статьям Особенной части УК.

Только с учетом этих важных оговорок нужно понимать наши высказывания о том, что состав преступления предусмотрен либо неделимой на части статьей Особенной части УК, либо частью статьи Особенной части УК. В полном объеме, т. е. в единстве всех своих признаков, состав преступления этими подразделениями закона не предусмотрен. В дефиниции же состава преступления, помимо указания на статью или ее часть Особенной части УК, мы считаем необходимым указать только на две статьи из Общей части УК. Это статьи 30 и 33 УК, на которые в силу закона обязательна ссылка при квалификации преступления (а состав – это основа квалификации).

Наш общий вывод о «привязке» состава преступления к указанному структурным единицам уголовного закона позволяет наконец-то конкретизировать преступление, в качестве которого состав преступления характеризует содеянное. То есть позволяет, как нам представляется, уточнить классическую дефиницию состава преступления.

Еще раз подчеркнем, что один состав преступления не может быть предусмотрен статьей Особенной части УК, если она делится на части. Например, не существует состава убийства как самостоятельного состава преступления. Есть основной состав убий-

ветскому праву // Правоведение. 1961. № 2. С. 78–79; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I. С. 268.

ства (ч. 1 ст. 105 УК), квалифицированный состав убийства (ч. 2 ст. 105 УК), состав убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК), состав убийства при превышении мер, необходимых для задержания преступника (ч. 2 ст. 105 УК) и т. д. (обратим внимание, что привилегированных составов убийства несколько, а не один). В равной мере не существует отдельного состава преступления, который был бы предусмотрен пунктом части статьи Особенной части УК. Так, признаки группового убийства, обрисованные в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК, входят в квалифицированный состав убийства на правах альтернативного признака данного состава.

Понятно, что некоторые подобные альтернативные признаки могут даже взаимно исключать друг друга (например, корыстный мотив убийства исключает хулиганский мотив), но следует понимать, что состав преступления – это генетически, по определению искусственное законодательное построение, законодательная модель определенного преступления. И как *модель* состав преступления отражает свойства не отдельно взятого из жизни преступления, а *множества таких преступлений*, признаки которых могут не только не сочетаться, но, напротив, взаимно исключать друг друга. Так и «рождаются» в УК составы с альтернативными признаками, иные сложные составы. Например, в основном составе умышленного уничтожения или повреждения имущества (ч. 1 ст. 167 УК) уживаются деяния в виде уничтожения имущества и его повреждения, хотя они взаимоисключающие. Но единая природа этих деяний позволила законодателю объединить их в один состав преступления на правах альтернативных его признаков.

С рассмотренным связан еще один вопрос – о соотношении состава преступления с нормой уголовного права. Если диспозиция статьи УК или диспозиция ее части – это форма уголовного права, то норма и ее структурные элементы – это содержание уголовного права³⁵. Поскольку содержание скрыто от нашего взора и доступно нам через призму внешней оболочки в виде

³⁵ См.: Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. С. 160–161; Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 101.

текста уголовного закона, постольку наблюдаются колоссальные различия в понимании не только нормы, но и ее строения, видов норм и т. д. Если юристы до изнеможения спорят о форме уголовного права, то еще больший простор для дискуссий открывает содержание уголовного права. Поэтому соотнесение этих понятий с составом преступления предполагает подробное изложение наших воззрений на нормы уголовного права и виды таких норм. Это тема отдельного разговора.

Тезисно отметим лишь, что мы исходим из факта существования в уголовном праве двухэлементных регулятивных, охранительных и поощрительных норм. Регулятивные нормы, запрещающие совершение преступлений, из соображений законодательной техники прямо не выражены в тексте УК. В Особенной части законодатель описывает преступления, которые в силу ч. 1 ст. 14 УК признаются запрещенным поведением. В итоге, на наш взгляд, появляются на свет регулятивные и корреспондирующие им охранительные нормы. И в каждом из этих видов норм есть место признакам состава. В отличие от диспозиций статей УК, нормы уголовного права полностью охватывают состав преступления, ибо являют собой неразрывное единство предписаний Общей и Особенной частей УК. Но каково место состава в этих нормах – это, повторимся, предмет отдельного разговора (с подробным изложением взглядов на строение нормы).

Обратим внимание, что в теории уголовного права не наблюдается согласия в наименовании структурных единиц состава преступления. Деяние, последствия, вина и т. п. первичные компоненты состава именуются признаками или элементами. Более крупные компоненты – объект, субъект, объективная и субъективная стороны – обозначаются терминами «элементы», «группы признаков», «стороны состава», «подсистемы состава». Наиболее распространенным является наименование последних компонентов элементами, а их слагаемых – признаками³⁶.

³⁶ См., например: Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 163–180; Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М., 1981. С. 97–110; Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. С. 11.

Состав преступления – это конструкция, строение, а потому более логично и точно, на наш взгляд, называть его первичные составляющие термином «элемент», а вторичные (объективную сторону и т. д.) – «часть». Но, заметим, это не принципиальный вопрос. Надо признать, что есть устоявшаяся терминология (признак – первичный компонент состава; элемент – вторичный компонент), которая вполне пригодна для обозначения компонентов состава преступления. Если речь идет об уголовно-правовых конструкциях и конструировании вообще (о сфере уголовного правотворчества), то мы предпочитаем использовать термины «элемент» – «часть». Для целей же настоящей работы и познания состава преступления допускаем возможным использовать традиционные термины «признак» – «элемент».

В определении состава традиционно упоминание о функции признаков (т. е. элементов) состава – они *характеризуют* деяние. Для чего? Ответ очевиден: для его квалификации, ведь состав преступления служит «юридическим основанием квалификации преступлений»³⁷. До революции функциональную роль состава не фиксировали в определении его понятия³⁸. Думается, однако, что отражение функциональной роли состава в классической дефиниции состава преступления – достоинство последней, от которого нецелесообразно отказываться. Дефиниция состава преступления должна отражать главную его функцию, иначе трудно понять, в чем основное назначение этой уголовно-правовой категории.

Не совсем верно, на наш взгляд, в дефиниции состава преступления указывать на совокупность признаков. Права Н. Ф. Кузнецова, отмечая, что состав – это «не механический набор, случайная сумма элементов, а строгая их система»³⁹.

Необходимо отметить еще одно принципиально важное для понимания состава преступления обстоятельство. Состав престу-

³⁷ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 61.

³⁸ Н. С. Таганцев, например, составом преступного деяния называл совокупность характеристических признаков преступного деяния (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 141).

³⁹ Советское уголовное право. Общая часть. С. 99 (Н. Ф. Кузнецова – «штатный» автор главы о составе преступления).

пления – это не явление объективной действительности, это явление законодательное, нормативное. И существует оно не в жизни, а в уголовном законе. В жизни все преступления причиняют какие-либо последствия, характеризуются пространственными и временными параметрами и т. д., но конструктор (законодатель) нередко оставляет их за рамками состава, обрисовывая соответствующее преступление в законе. Значит, *признаки и элементы состава устанавливаются, «задаются» уголовным законом, описываются в нем, предусмотрены им.*

Эта деталь – *нормативность состава* – представляется очень важной. Только такой подход позволяет осуществить классификацию составов преступлений и понять многие явления, с ними связанные. Не случайно эта характеристика возводится иногда в ранг самого существенного в понятии состава. Так, И. Я. Гонтарь, проведя специальное исследование, пришел к выводу, что «под составом преступления в теории уголовного права следует понимать содержащееся в уголовном законе *описание* (курсив наш – А. И.) признаков общественно опасного деяния»⁴⁰. По нашему мнению, с позиции логики «законодательное описание» не может выступать родовым признаком состава. И задачи УК, и его принципы, и вина, и соучастие, и наказание, и абсолютное большинство всего остального, из чего складывается уголовное право, *описано* в УК. И все это в принципе существует в таком виде, в каком оно описано в уголовном законе. Но это отнюдь не означает, что «описание в уголовном законе» есть родовой признак того или иного феномена. Важно, что и как обрисовывается (описывается) в уголовном законе. И определение понятия как логический прием призвано ответить на этот главный вопрос, т. е. призвано вскрыть суть понятия.

Однако то обстоятельство, что состав таков, каково его описание в законе, И. Я. Гонтарь подметил, на наш взгляд, верно. Так же, как верно подметили это свойство состава преступления еще некоторые ученые (А. А. Пионтковский, В. С. Прохоров и др.), которых Н. Ф. Кузнецова назвала сторонниками «нормати-

⁴⁰ Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты). С. 11.

вистского понимания состава», или «нормативистами»⁴¹. Отрад-но, что к такому же выводу пришел еще один современный исследователю состава – Ю. Е. Пудовочкин: «Нормативистское учение о составе преступления наиболее точно отражает суть данного феномена»⁴². Вслед за названными учеными мы также отмечаем в составе преступления его нормативную, или законодательную, природу (к позиции же Н. Ф. Кузнецовой мы еще вернемся). Например, в реальной действительности (жизни) разбой, как правило, выражается в изъятии имущества. Состав же его не таков: это лишь нападение (законодательная характеристика разбоя)⁴³. В итоге разбой как преступление – это не изъятие имущества, а нападение с этой целью. В этом и заключена «соль» состава: преступления и их составы таковы, каковыми они определены, выражены в уголовном законе.

Для окончательной расстановки всех акцентов относительно понятия состава преступления необходимо провести его сравнение с понятием преступления, но мы решили изложить наше видение этой комплексной проблемы в следующем параграфе работы. Здесь же еще раз заострим внимание на том обстоятельстве, что состав характеризует содеянное не как преступное вообще, а как определенное преступление и что главное в составе – его

⁴¹ См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. С. 306 (Н. Ф. Кузнецова – автор главы о составе преступления).

⁴² Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. С. 6.

⁴³ В связи с этим вызывает недоумение традиционное зачисление разбоя в группу хищений (см., например: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 140). Хищения, согласно примечанию 1 к ст. 158 УК, имеют материальную законодательную конструкцию. Состав же разбоя построен по типу формального (усеченного – по более дробной классификации) и окончен в момент нападения, независимо от наступления последствий в виде ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Следовательно, правильнее, на наш взгляд, относить разбой к группе корыстных преступлений против собственности, не являющихся хищением (наряду с вымогательством и причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием).

нормативный характер, «заданность» законом, т. е. предусмотренность его признаков уголовным законом. Из этого проистекает «формальная» сущность состава преступления, что, в свою очередь, позволяет оставить за пределами состава общественную опасность преступления. Ниже мы приведем аргументы, доказывающие, на наш взгляд, отсутствие этой опасности в самом составе преступления. Однако и приведенные рассуждения дают некоторые основания для вывода о том, что состав характеризует содеянное не как преступное, а именно как *предусмотренное (запрещенное) уголовным законом*.

Суммируя изложенное, сформулируем дефиницию состава преступления. **Состав преступления – это система признаков, характеризующих деяние как предусмотренное уголовным законом в качестве определенного преступления (т. е. указанного в части статьи или неделимой статье Особенной части УК, со ссылкой на ст. 30, 33 УК или без таковой).**

Из сказанного до этого ясно, что сформулированное определение состава *условно*, поскольку ряд признаков преступления, входящих в состав, указан в иных статьях, помимо ст. 30 и 33, Общей части УК. Но перечисление всех этих статей привело бы к перегрузке дефиниции. Нам важно было подчеркнуть «формальную» сущность состава (он – воплощение уголовной противоправности, поэтому и характеризует деяние как *предусмотренное законом*) и его рамки в Особенной части (указание же на ст. 30 и 33 из Общей части УК продиктовано функциональной ролью состава в квалификации).

§ 2. Соотношение состава преступления, преступления и малозначительного деяния

Классической для российской доктрины является постановка вопроса о соотношении состава преступления и преступления. Споры на эту архиважную тему не утихают по сей день⁴⁴. Одна-

⁴⁴ См., например: Лопашенко Н. А. Соотношение преступления и состава преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 128–134; Ворошилин Е. В. Еще раз к вопросу о соотношении

ко не менее интересным как в теоретическом, так и в прикладном плане является вопрос о соотношении состава преступления и малозначительного деяния, регламентированного в ч. 2 ст. 14 УК. Понятно, что решение данных вопросов зависит от трактовки исследователем соотносимых категорий. Много путаницы вызывают попытки соотносить несоотносимые понятия. М. П. Карпушин и В. И. Курляндский правильно, на наш взгляд, отмечают, что «правоммерно проводить сравнение в одной плоскости», например состав преступления сопоставлять с преступлением, состав определенного преступления – с определенным преступлением⁴⁵. То есть процесс соотношения исследуемых понятий должен быть корректным в научном смысле: соотносить необходимо одноуровневые понятия. В частности, логично сравнивать понятие состава преступления и понятие этого же преступления (например, состав доведения до самоубийства и понятие доведения до самоубийства).

На этом уровне мы сразу же убедимся, что традиционные рецепты решения проблемы не работают: дескать, «преступление – это явление реальной жизни, а состав преступления – юридическое представление законодателя о конкретном реально существующем явлении – преступлении»⁴⁶; «понятием преступления характеризуется реальное явление, а состав преступления выступает как юридическое понятие об этом явлении»⁴⁷. Понятие какого-либо преступления – это явно не реальное жизненное явление, а понятие о нем, в котором преступление отражено, так же как и в составе, в своих типичных и существенных признаках.

состава преступления и преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции 24–25 января 2008 г. М., 2008. С. 157–159. Об интересующей нас полемике как этапе в эволюции теории состава преступления см. также: Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления // Там же. С. 122–127.

⁴⁵ Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 19.

⁴⁶ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая... С. 57.

⁴⁷ Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2004. С. 88.

Поэтому и Н. А. Лопашенко не решает, на наш взгляд, рассматриваемую проблему, указывая, что преступление и его состав различаются, среди прочего, по природе: «состав – законодательная конструкция, преступление – реальность, находящаяся в социальной жизни общества, хотя и несущая на себе отпечаток воли законодателя, признающего преступление преступлением»⁴⁸. Если соотнести понятие преступления с понятием его же состава, то решение проблемы с очевидностью будет иным.

Поэтому, наметив указанную отправную точку, следует перейти на уровень соотнесения признаков исследуемых понятий (т. е. проводить сравнение на понятийном уровне). В. Н. Кудрявцев, позиция которого поддержана многими отечественными криминалистами, следующим образом решает поставленный вопрос: «Признаки, характеризующие какой-либо состав преступления, в равной мере входят и в понятие об этом преступлении... В составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно. Иными словами, состав и понятие преступления различаются по их внутренней структуре, по степени упорядоченности одних и тех же признаков»⁴⁹.

Однако структурированность признаков (с позиции логики действительно присущая составу преступления, но не характерная для понятия этого же преступления), как представляется, не главный отличительный признак соотносимых понятий.

Понятие любого преступления (видовое понятие), естественно, включает и признаки родового понятия. Родовое понятие закреплено в ч. 1 ст. 14 УК. Можно спорить об удачности включения в набор признаков преступления виновности и наказуемости (так, виновность, как представляется, является частью запрещенности), но в любом случае непреложными останутся два фундаментальных свойства преступления – его общественная опасность и запрещенность уголовным законом (уголовная противо-

⁴⁸ Лопашенко Н. А. Соотношение преступления и состава преступления. С. 133.

⁴⁹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 59.

правность, предусмотренность уголовным законом, «формальный» признак преступления). Именно в соотношении состава с этими признаками состоит, на наш взгляд, существо рассматриваемой проблемы.

Под общественной опасностью понимается причинение деянием существенного вреда общественным отношениям либо создание опасности причинения такого (существенного) вреда⁵⁰.

⁵⁰ Общественная опасность преступления – материальный признак преступления, вокруг которого ведется масса споров. Вопрос о том, является ли этот признак исключительным свойством преступлений, поделил ученых на два лагеря. Одни положительно отвечают на данный вопрос (см., например: Дурманов Н. Д. Понятие преступления. М.; Л., 1948. С. 290), другие – нет, доказывая, что таковой признак присущ любым правонарушениям, в частности административным (см., например: Козлов А. П. Понятие преступления. С. 707–710). Законодатель же разделяет мнение об общественной опасности как исключительном, специфическом признаке преступления, что явствует из анализа ч. 2 ст. 14 УК. Думается, что эта дискуссия скорее схоластическая, нежели содержательная. Если судить этимологически, буквально (общественно опасно = опасно для общества), тем более с учетом ч. 2 ст. 2 УК, то следует согласиться с тем, что и непреступные нарушения могут быть общественно опасны. В то же время даже сторонники этой позиции не отрицают, что преступления *более* общественно опасны, нежели иные правонарушения, т. е. обладают существенной вредоносностью. Это бесспорный факт. В свете сказанного следует согласиться с мнением Э. С. Тенчова: «Опасность преступлений отличается от опасности иных правонарушений по своему качеству (характеру) и предполагает реальное причинение или создание возможности причинения не любого, а существенного вреда соответствующим объектам уголовно-правовой охраны» (Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2005. С. 57). И этот, присущий преступлениям уровень можно именовать либо общественной опасностью, либо существенным уровнем общественной опасности. Суть не меняется, все прекрасно понимают, о чем речь, разница лишь в выражениях. Но если это так, зачем отказываться от общепринятой терминологии. Представляется вполне оправданным использование в уголовном законе сочетания «общественная опасность» не как простой лексической единицы, а в качестве *термина*, отражающего *существенный уровень вредоносности*. Термин же «имеет полное право» обозначать специфическое понятие.

Господствующий до сих пор взгляд на соотношение состава преступления и общественной опасности был сформулирован еще А. Н. Трайниным. Приведем ряд характерных цитат из его фундаментального труда «Общее учение о составе преступления»: «... Лишь общественно опасное действие может образовать состав преступления... Доказательство наличия в действиях лица всех элементов предусмотренного законом состава преступления есть тем самым и доказательство общественной опасности этих действий»⁵¹. Иными словами, общественная опасность, как считал А. Н. Трайнин, содержится в составе преступления, сосредоточена по его элементам. В. Н. Кудрявцев занял аналогичную позицию: «Общественная опасность... является неотъемлемой чертой состава»⁵². Н. Ф. Кузнецова также указывала, что общественная опасность охватывается составом преступления, хотя и – конкретизирует она – его объективной стороной⁵³. «В структуре каждого конкретного состава преступления отражаются такие признаки преступления, закрепленные в ст. 14 УК РФ, как общественная опасность и противоправность», – отмечает и О. Ф. Шишов⁵⁴.

При этом, раз уж речь зашла «о правах», следует напомнить, что понятие общественной опасности было введено в научный и законодательный лексикон именно для наименования криминального, а не какого-либо другого противоправного поведения. Можно сказать, что уголовное право обладает исключительными правами на использование этого термина. Таким образом, в легальном определении преступления и в понятии малозначительности резонно употреблять термин «общественная опасность» как наименование специфического признака преступления либо деяния, которое по уровню опасности соответствует преступлению (требующее криминализации; формально предусмотренное Особенной частью, но совершенное невменяемым или малолетним).

⁵¹ Трайнин А. Н. Избранные труды / сост., вступ. статья Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 30, 32.

⁵² Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 88.

⁵³ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 180.

⁵⁴ Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд. испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М., 2009. С. 154 (автор главы – О. Ф. Шишов).

Аналогичную по существу позицию занимают В. С. Прохоров и Н. И. Мацнев: «Понятие преступления, содержащееся в ч. 1 ст. 14 УК, и конкретный состав преступления, предусмотренный нормой Особенной части, соотносятся между собой как общее и частное»⁵⁵. Если сравнение проводить на одном уровне, т. е. уровне определенного преступления, то получается, что понятие этого преступления, включающее общие его признаки (общественную опасность и т. д.), и понятие его состава совпадают. При таком подходе состав преступления с точки зрения логики охватывает и общественную опасность.

Однако в доктрине встречаются и противоположные суждения: о том, что состав преступления не обладает общественной опасностью⁵⁶. Этот правильный, на наш взгляд, подход требует развития. Анализ категорий «общественная опасность» и «противоправность» (запрещенность) вкупе с ретроспективным изучением состава преступления, его природы и функционального назначения, привел нас к выводу, что *общественная опасность находится за рамками состава преступления, а последний есть воплощение «формального» признака преступления.*

Здесь, правда, следует специально оговорить, что мы понимаем под «формальным» признаком преступления. Сегодня этот признак в ч. 1 ст. 14 УК РФ сформулирован как «запрещенность» деяния уголовным законом. Мы согласны с такой его редакцией, поскольку преступления не только предусматриваются, но и запрещаются уголовным законом. Запрет (запрет активного и запрет пассивного поведения; последний есть юридическая обязанность) хотя прямо и не выражен в тексте Особенной части УК, но подразумевается в ней и прямо закреплен как признак преступления в его определении.

Однако отсутствие прямого указания на запрет в Особенной части УК дает повод современным последователям немецкого ученого К. Биндинга утверждать, что УК не запрещает соверше-

⁵⁵ Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб., 2006. С. 368 (авторы главы о составе – В. С. Прохоров, Н. И. Мацнев).

⁵⁶ См.: Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004. С. 27.

ние преступлений⁵⁷. Отметим, что сегодня позиция сторонников запрета в уголовном праве значительно укреплена в силу указания на запрещенность в самом тексте УК – ч. 1 ст. 14 УК. Но, к сожалению, законодатель не в полной мере последователен. Указав в ст. 14, что преступление – это запрещенное деяние, он должен был этот самый запрет выразить в иных предписаниях УК. Смысла делать это в Особенной части нет: это приведет к лексической избыточности текста закона, его перегрузке. Тем более что запрет в Особенной части УК подразумевается⁵⁸. Поэтому логично, на наш взгляд, было поместить указание на запрет в статью о задачах УК (ст. 2), отметив, что для осуществления стоящих перед ним задач Кодекс не только определяет круг преступлений, но и запрещает их совершение.

Итак, сегодня в Особенной части УК преступления предусмотрены (обрисованы, описаны). Но в действительности «формальный» признак преступления означает, что последнее запрещено уголовным законом. Отметим, что выражения *«предусмотрено уголовным законом в качестве преступления»* и *«запрещено уголовным законом»* мы употребляем как синонимичные. Поэтому за фразой «запрещается», в сущности, понимается предусмотренность преступления уголовным законом, его описание в этом законе в качестве преступления. Ввиду этого на «предусмотренность законом в качестве определенного пре-

⁵⁷ См., например: Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 176.

⁵⁸ Данное обстоятельство хорошо объяснил еще Иеремия Бентам: «Сказать судье: "Вели повесить всякого, кто должным образом по закону будет уличен в воровстве", – значит, хотя и не прямым, но все-таки столь же понятным образом, внушить людям вообще, что они не должны воровать, как сказать им прямо: "Не воруйте"; и легко видеть, насколько вероятнее, что первый способ будет более действителен». Далее Бентам указывает формы, *«которыми может одинаково быть выражено повеление, запрещающее воровство»* (курсив наш – А. И.). Среди них характерные: «Кто ворует, тот будет наказан так и так», «Воровство есть то, когда человек делает так и так; наказание за воровство бывает такое и такое» (Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 399).

ступления» мы указали в определении состава преступления в предыдущем параграфе.

Таким образом, установление признаков состава преступления означает, что содеянное запрещено уголовным законом, но еще ничего не говорит об опасности содеянного. Соотнесение деяния с составом и установление в результате соответствия между ними является лишь основанием для предположения об общественной опасности содеянного. Однако это предположение в конкретном случае может быть опровергнуто, что явствует из содержания ч. 2 ст. 14 УК (нормы о малозначительности). Следовательно, для констатации преступления необходимо сначала установить в содеянном признаки состава преступления (запрещенность законом), а затем – общественную опасность (т. е. проверить, не является ли оно малозначительным).

Кстати, деяние, совершенное при обстоятельствах, исключających его преступность (глава 8 УК РФ), так же как, например, добровольный отказ от преступления, свидетельствуют, по нашему мнению, об отсутствии в содеянном признака запрещенности, поскольку в таких деяниях отсутствует состав преступления. Ранее (в первом параграфе) мы отмечали, что состав включает в себя признаки преступлений, указанные в Общей части УК. Обстоятельства, влекущие не преступность деяния, выступают негативным, исключительным признаком состава, ограничивая действие признаков, указанных в диспозиции статьи Особенной части УК.

Норма же о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК) имеет иную природу, нежели обстоятельства, исключające преступность деяния. Во-первых, это подчеркнул сам законодатель, расположив ее в статье, посвященной определению преступления, а не в главе 8 УК. Во-вторых, в ч. 2 ст. 14 прямо указывается, что деяние содержит признаки, предусмотренные УК, т. е. это деяние запрещено УК. Мыслимо возражение, что закон запрещает лишь преступления. Но с таким возможным возражением трудно согласиться, так как в ч. 1 ст. 14 УК общественная опасность и запрещенность выделены как два самостоятельных признака в понятии преступления. С позиции логики это означает, что некоторые деяния могут запрещаться, но не обладают общественной опасностью, а пото-

му не являются преступлениями. Первый (если не единственный) претендент на отнесение к кругу запрещенных, но не опасных актов поведения – это, вне всякого сомнения, малозначительное деяние. Добавим также, что включение малозначительности в состав преступления как негативного признака преступления приведет нас к парадоксальным выводам: например, о том, что все составы преступлений сконструированы по типу материальных составов и составов создания опасности. Ведь малозначительность означает отсутствие общественной опасности. Поэтому если деяние не является малозначительным, оно общественно опасно, а следовательно, либо причиняет существенный вред, либо создает опасность его причинения. Поэтому через норму о малозначительности, которая якобы входит в состав преступления, мы вынуждены будем отказаться от выделения формальных, в том числе усеченных, составов, с чем не согласимся не только мы, но и, убеждены, абсолютное большинство ученых.

Вернемся, однако, к нашему тезису о том, что состав есть воплощение признака запрещенности (противоправности). Против этого тезиса может быть выдвинут еще один – этимологический – контраргумент. Речь ведь идет о составе *преступления*. Но представляется, что смысловая нагрузка термина «состав преступления» нас не должна смущать. Буквально получается, что этот состав может наличествовать лишь в преступлении. Однако термин «состав преступления», как и многие другие, условен. Мы помним, что в момент своего появления он выступал процессуальной категорией, затем он стал обозначать признаки преступления (по существу слившись с понятием преступления), но с тех пор его смысл претерпел дальнейшую эволюцию. Сегодня есть веские основания утверждать, что под составом преступления должно понимать набор признаков, соответствие которым содеянного свидетельствует о его предусмотренности уголовным законом, но не обязательно об опасности содеянного.

Основное функциональное назначение состава преступления – это обоснование уголовной ответственности, в частности применение состава преступления как базового инструмента в процессе квалификации деяния. В юриспруденции трудно пере-

оценить значение формы. Состав преступления как раз и выступает той формой (системой признаков преступления – его нормативной моделью, законодательной конструкцией и т. п.), с которой удобно и легко работать правоприменителю (впрочем, ученому и законодателю тоже). Но за формой (составом) скрывается содержание, выяснение которого хотя и вторично для признания деяния преступлением, но обязательно.

Таким образом, состав преступления соответствует уголовной противоправности как признаку преступления. В этом и состоит, по нашему мнению, главный разграничительный признак понятия преступления и понятия состава преступления – нахождение за рамками последнего признака общественной опасности и его привязка только к предусмотренности уголовным законом (запрещенности).

Нельзя при этом не заметить, что в состав преступления включаются те же самые признаки, что образуют и противоправность этого преступления (т. е. описаны в Общей и Особенной частях УК). Данный факт, казалось бы, должен говорить о тождестве состава преступления и понятия запрещенности этого преступления. Но это, на наш взгляд, не так. Несмотря на идентичный набор признаков, между ними есть разница. В содержании понятия, как известно из логики, признаки не структурированы. Следовательно, понятие запрещенности и состав преступления соотносятся как совокупность существенных признаков преступления и структура этих самых признаков. В этой части, еще раз подчеркнем, мы полностью разделяем мнение В. Н. Кудрявцева, писавшего, что «в составе преступления признаки перечислены в некоторой жесткой последовательности, они сгруппированы, привязаны к определенным элементам состава преступления, а для понятия преступления это отнюдь не характерно»⁵⁹. Но после изложенного ясно, что это, по нашему убеждению, дополнительный, а не главный критерий разграничения преступления и его состава.

Итак, понятие состава преступления обозначает иную реальность (иной предмет), нежели понятие этого преступления. Со-

⁵⁹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 59.

став преступления воплощает набор признаков, характеризующих деяние как запрещенное, предусмотренное законом в качестве определенного преступления. И обнаружение соответствия между признаками состава и признаками конкретного деяния позволяет лишь утверждать, например, применительно к квалифицированному групповому убийству: «Да, это деяние *предусмотрено* уголовным законом – пунктом "ж" ч. 2 ст. 105 УК». Утверждается только, что деяние *подпадает* под ч. 2 ст. 105 УК (п. «ж»), и не более. Для признания этого убийства преступлением необходимо выявить его общественную опасность (после обнаружения состава она презюмируется, но при возникновении сомнений в ее наличии – устанавливается). И когда это будет сделано, только тогда будет правомерен вывод о том, что содеянное является *преступлением*, а не просто деянием, запрещенным уголовным законом.

Сделанный вывод – о нахождении общественной опасности за рамками состава преступления – приводит к выводу о несовершенстве ст. 8 УК. В сегодняшней редакции данная статья основанием уголовной ответственности признает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК. Но после изложенного ясно, что точнее основанием уголовной ответственности считать совершение не просто деяния, содержащего состав, а совершение *общественно опасного* деяния.

Кроме того, пользуясь случаем, выскажем еще одну претензию к ст. 8 УК: в ней говорится, что деяние должно содержать *все* признаки состава преступления. Такое законодательное решение нельзя признать верным, поскольку не все признаки состава преступления необходимы для привлечения лица к ответственности за преступление с этим составом. Многие из этих признаков являются не обязательными, а факультативными (в том числе альтернативными). Например, основной состав незаконного использования товарного знака (ч. 1 ст. 180 УК) включает такие альтернативные признаки, как «неоднократность действий» и «крупный ущерб». Оба эти признака входят в указанный состав, но для наличия состава требуется установить один из них. Следовательно, не все признаки состава преступления обосновывают

уголовную ответственность. Важно установить, что деяние соответствует составу преступления, а этот вывод будет правомерен при установлении в содеянном всех обязательных признаков и, например, одного из альтернативных.

Наконец, еще одно принципиальное замечание к редакции ст. 8 УК. Вслед за законодателем мы говорим: состав содержится в деянии (ст. 8 УК), т. е. в содеянном. Но ведь это явная неточность, поскольку состав преступления содержится в уголовном законе, ибо предусмотрен им. Поэтому в действительности признаки конкретного преступления лишь *соответствуют* признакам состава преступления. Это и понятно. Например, признак кражи в особо крупном размере (ч. 4 ст. 158 УК) имеет широту выраженности от 1 млн руб. до бесконечности. Конкретная же кража в особо крупном размере (совершенная Ивановым, Петровым и т. д.) по этому признаку также всегда конкретна – 1 млн 357 тыс. 20 коп., 2 млн 452 тыс. руб. и т. д. Ясно, что в этой конкретной краже не может содержаться признак состава «от 1 млн руб. и выше» – *он шире признака конкретного преступления*. Признак конкретного преступления соотносится с признаком состава как единичный предмет с классом предметов. Последний, как более общий, всегда шире по содержанию. Поэтому точнее говорить о *соответствии признака конкретного преступления (содеянного) признаку состава, составу преступления*.

Фактически мы становимся на позицию В. Н. Кудрявцева относительно задачи, решаемой в ходе квалификации преступления, – это «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»⁶⁰. К такому же обоснованному, на наш взгляд, выводу

⁶⁰ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 5. Позиция В. Н. Кудрявцева разделяется многими криминалистами. О. Ф. Шишов, например, пишет, что для привлечения лица к уголовной ответственности «необходимо, чтобы признаки деяния находились в точном соответствии с описанными в статьях Особенной и Общей частей уголовного законодательства признаками конкретных преступлений» (см.: Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М., 2009. С. 154).

о том, что речь (в понятии квалификации, ст. 8 УК и т. д.) должна идти о *соответствии* признаков конкретного общественно опасного деяния «их описанию в УК», пришел и И. Я. Гонтарь⁶¹ (позиция которого неприемлема, таким образом, лишь в части трактовки им состава как *описания* деяния в законе). Правда, исследователями учения о квалификации предлагаются и иные решения данного вопроса. Так, Е. В. Благов не согласен с формулой «соответствие деяния составу» и результатом квалификации считает решение «о предусмотренности (или непредусмотренности) выявленного деяния составом определенного преступления»⁶². «Признаки состава преступления, – отмечает он в другой работе, – могут исключительно предусматривать (отражать, определять, описывать) соответствующее деяние»⁶³. И все-таки вариант В. Н. Кудрявцева представляется более удачным. Конкретное преступление предусмотрено не составом, а уголовным законом, этот состав со всеми его признаками описывающим. К тому же автор приведенной позиции сам неоднократно использует формулировку «деяние соответствует составу преступления»⁶⁴, фактически признавая ее право на существование.

Можно, конечно, воспринимать отмеченный недостаток ст. 8 УК как условность, «штамп» и не обращать на него внимания. В уголовном законе вообще достаточно условных выражений. Но, думается, это не тот случай. Статья 8 УК относится к фундаментальным положениям уголовного закона, входит в главу об уголовно-правовых принципах и на этом основании по праву причисляется к системообразующим нормативным предписаниям Общей части УК⁶⁵. Здесь вдвойне, втройне и т. д. (в сравнении

⁶¹ Гонтарь И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты). С. 8.

⁶² Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). С. 98.

⁶³ Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). С. 31.

⁶⁴ Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). С. 146 и др.

⁶⁵ См.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / предисл. А. В. Наумова. СПб., 2002. С. 191.

с иными фрагментами закона) важна точность формулировок. Фраза же «деяния, содержащего все признаки состава» в ст. 8 УК дает повод для всевозможных спекуляций относительно состава преступления: будто бы «состав содержится в реальной действительности, а не в уголовном законе» и т. п.

Все это приводит к выводу о необходимости изложения ст. 8 УК в новой редакции. Предлагаем следующий ее вариант: **«Основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, признаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному настоящим Кодексом».** Данное видоизменение ст. 8 предполагает соответствующую модификацию ряда иных предписаний УК, в которых упоминается состав преступления (ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31 и др.).

Кстати, иногда ст. 8 УК критикуют по другой причине: якобы она не дает ответа на вопрос, что же выступает основанием ответственности соучастников преступления (кроме исполнителя) и основанием ответственности за неоконченное преступление. Авторы критики полагают, что все признаки состава преступления имеются лишь в оконченном деянии, совершенном исполнителем. Некоторое основание для этой критики дает сам законодатель, определяя оконченное преступление как деяние, содержащее все признаки состава преступления (ч. 1 ст. 29 УК). Ранее (в первом параграфе) мы уже отмечали, что состав (а значит, и все его признаки) содержится и в неоконченном преступлении, и в соучастии в преступлении. В этих случаях признаки состава по законодательно-техническим соображениям закрепляются, среди прочего, в ст. 30, 33 УК РФ. Поэтому упомянутую критику нельзя признать, на наш взгляд, обоснованной.

В плане квалификации и уголовного процесса следует еще раз подчеркнуть, что установление соответствия между содеянным и составом преступления является основанием для презюмирования общественной опасности содеянного. Бремя доказывания общественной опасности деяния, которое предусмотрено УК, лежит, естественно, на стороне обвинения. Но нами не случайно упомянут прием презюмирования. Презумпции позволяют правильно распределить бремя доказывания. Если в содеянном

есть признаки состава преступления, то, не снимая с себя бремени доказывания, сторона обвинения имеет право, на наш взгляд, предположить наличие общественной опасности. Лишь появление в конкретном уголовном деле доказательств ее возможного отсутствия либо сомнений в ее наличии (отсутствие вредных последствий, «благие намерения» субъекта и т. д.) должно служить достаточным основанием для полноценной работы органа предварительного расследования, прокурора или суда над проверкой общественной опасности.

Теперь обратимся к проблеме соотношения состава преступления и малозначительности, которая нами, по сути дела, уже решена. В большинстве источников данный вопрос рассматривается исходя из традиционного представления о соотношении преступления и его состава: считается, что в силу отсутствия общественной опасности малозначительное деяние не содержит состава преступления⁶⁶. Думается, что это неверное представление. Малозначительное деяние соответствует составу преступления, это деяние запрещено уголовным законом. Норма о малозначительности сформулирована в ч. 2 ст. 14 УК: «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Нетрудно видеть, что эта норма углубляет дефиницию преступления, рельефно отображая самостоятельное значение общественной опасности для признания деяния преступным. По этой причине неприемлемой представляется попытка обосновать отказ от малозначительности в уголовном праве⁶⁷. Законодатель в силу объективных факторов (не говоря уже о субъективных) просто не в состоянии учесть все многообразие жизненных ситуаций и успеть за изменением политической, социальной и экономической ситуации в стране. Поэтому в практике возникали, возникают и будут возникать ситуации, когда констатация соответствия между содеянным и составом преступления, описанным в уголовном законе, будет недостаточ-

⁶⁶ См., например: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С.122.

⁶⁷ См., например: Козлов А. П. Понятие преступления. С. 766–771.

на для оценки деяния как преступного ввиду отсутствия в нем общественной опасности.

Итак, в ч. 2 ст. 14 законодатель оперирует теми же категориями – общественной опасностью и противоправностью. Первую он отрицает в малозначительном деянии, вторую усматривает (хотя и в виде предусмотренности уголовным законом). Поскольку со второй связано наличие состава преступления, постольку, на наш взгляд, *малозначительное деяние* (в строгом значении этого термина, определенном в ч. 2 ст. 14 УК) *соответствует составу преступления*.

Обратим внимание на два недостатка ч. 2 ст. 14 УК. Во-первых, это деяние предусмотрено УК *не формально*. Предусмотренность – это и есть формальный признак. В связи с этим, а также в целях обеспечения системного единства ч. 1 и ч. 2 ст. 14 УК логично было бы, как представляется, прямо указать, что малозначительное деяние хотя и *запрещается* законом, но непреступно ввиду отсутствия общественной опасности. Во-вторых, неточно выражение «действие (бездействие)». Оценке подлежит не только действие (бездействие) лица как признак объективной стороны, но деяние в широком смысле слова, в каком оно употреблено в определении преступления (т. е. и его последствия, и способ, и т. д.). Кстати, на практике из-за указания в ч. 2 ст. 14 УК на действие (бездействие) отказываются усматривать малозначительность в деяниях, повлекших определенные последствия и содержащих материальный состав преступления. Однако еще А. А. Пионтковский справедливо отмечал, что «возможны случаи, когда совершенное действие вызывает те или иные вредные последствия, но они не могут быть признаны с точки зрения уголовного права общественно опасными»⁶⁸. Вместе с тем, хотя буквальное толкование ч. 2 ст. 14 и противоречит духу уголовного закона, изменить данный подход может лишь модификация этой нормы. Возможный для обсуждения вариант ч. 2 ст. 14 УК: «Не является преступлением деяние хотя и запрещенное настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

⁶⁸ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: в VI т. Т. II. Преступление. М., 1970. С. 31.

Из сказанного становится ясно, по каким причинам нельзя согласиться с Н. Ф. Кузнецовой, которая по существу отождествляет преступление и его состав⁶⁹. Это разные понятия, вовсе не случайно обозначенные двумя разными терминами. Заметим, что позиция Н. Ф. Кузнецовой подвергнута справедливой, обширной и аргументированной, на наш взгляд, критике в абсолютном большинстве современных изданий, посвященных составу преступления⁷⁰, а потому, наверное, в значительной степени утратила свою актуальность.

Здесь же позволим себе исполнить обещанное еще во «Введении» относительно позиции А. П. Козлова. Он, как мы помним, предлагает отказаться от использования понятия состава преступления, резко критикуя его как «лишнюю категорию», «существование которой фиктивно, условно и в целом неприемлемо, поскольку засоряет теорию и практику, использующих непонятную научную абстракцию»⁷¹. Что предлагается взамен? Анализ самого преступления с двух позиций: сущности (его понятия и признаков) и структуры преступления (его объективной и субъективной сторон); на последней и предлагается базировать квалификацию преступления; «не на составе преступления как чем-то эфемерном, а именно на конкретной структуре вида преступления, как она отражена в диспозиции закона», «при квалификации будет вполне достаточно диспозиции без какого-либо обращения к эфемерному составу»⁷².

Непонятно, откуда у автора приведенных цитат такая предвзятость к понятию состава преступления? Из его контраргументов следует только одно: и без понятия состава возможна квали-

⁶⁹ Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. С. 302–308 (Н. Ф. Кузнецова – автор главы о составе преступления). Ее мнение разделяет и Ю. И. Ляпунов (см.: Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 102).

⁷⁰ См., например: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 70–72; Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие. С. 6.

⁷¹ Козлов А. П. Понятие преступления. С. 186.

⁷² См.: Там же. С. 186–187.

фикация, поскольку есть уголовный закон со структурными элементами, в которых закреплены все признаки преступления. Но в чем заключается вред категории, в которой фиксируется нормативная природа преступления (установленность его признаков законом), признак запрещенности преступления и в единое целое синтезируются признаки, относящиеся к разным сторонам преступления, а порой и не относящиеся к нему (но обосновывающие ответственность)? Лишь в том, что появляется соблазн более широко внедрить в правоприменение и доктрину иную категорию – понятие «структура преступления». Предмет, который мыслится нами с помощью понятия состава преступления, этот ученый называет иначе. Можно назвать его еще как-нибудь, например «система преступления». Оказывается, что только ради этой «лексической рокировки» с удивительной легкостью можно истреблять категорию, которая с таким изяществом разработана в трудах А. Н. Трайнина, А. А. Пионтковского, В. Н. Кудрявцева, Н. Ф. Кузнецовой и ряда других корифеев, внедрена в УК РФ и УПК РФ и которая буквально вцементирована в фундамент уголовного права как науки и отрасли?

Действительно, можно перечеркнуть все это и заново построить фундамент уголовного права, сведя квалификацию к диспозиции закона, основание уголовной ответственности – просто к преступлению и т. д. Реальность не изменится, изменится лишь терминология. Но речь идет о терминах или о существовании вопроса? Если о существовании, то надо признать, что понятие преступления и понятие состава этого преступления не совпадают: критерии их различия изложены в первой главе. Под составом преступления в процессе эволюции стало мыслиться понятие, весьма близкое гипотезе нормы (или диспозиции нормы по другой «версии»⁷³; или гипотезе с диспозицией – по третьей⁷⁴). Но в УК РФ какого-либо

⁷³ Например, В. П. Коняхин «хранилищем» признаков состава преступления считает диспозицию уголовно-правовой нормы (см.: Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. С. 226 и др.).

⁷⁴ Т. В. Кленова к гипотезе запрещающей уголовно-правовой нормы причисляет многие предписания Общей части УК, в том числе относящиеся к составу преступления (например, ст. 19–42 УК), а к

одного компонента, соответствующего названному элементу нормы, в котором состав был бы изложен с исчерпывающей полнотой, попросту не существует. Сам А. П. Козлов неоднократно подчеркивает, что состав обрисован и в Общей, и в Особенной частях УК. Следовательно, при исключении из законодательного оборота понятия состава преступления все равно остро будет стоять вопрос о том, из каких признаков складывается определенное преступление, обрисованное в законе. Если сказать, что из признаков, относящихся к гипотезе или диспозиции *нормы* уголовного права (в зависимости от разных трактовок последней), – значит одну спорную категорию заменить другой (ведь, например, «гипотеза уголовно-правовой нормы – наиболее трудноопределимая категория в теории уголовного права»⁷⁵).

Если же ориентировать правоприменителя только на закон (форму уголовного права), все равно останется открытым вопрос о том, какое понятие с точки зрения содержания уголовного права объединяет в одно целое все признаки определенного преступления, за исключением его общественной опасности. Сегодня такое понятие есть – «состав преступления», и для замены его другим понятием с реформированием основ и устоев современного уголовного права не имеется никаких веских оснований. Это, по всей видимости, хорошо понимает российский законодатель. Так, в п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в первоначальной редакции основание вынесения оправдательного приговора формулировалось так: «в деянии подсудимого нет признаков преступления». В 2002 г. данная формулировка была уточнена («в деянии подсудимого отсутствует состав преступления») и в такой редакции действует по сей день.

диспозиции нормы – по общему правилу, диспозицию статьи Особенной части УК (см.: Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. С. 168–170).

⁷⁵ Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 41.

§ 3. Структура состава преступления и общая характеристика его элементов

Господствующий в доктрине взгляд на структуру состава преступления хорошо известен: состав преступления включает четыре элемента, или части (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), которые, в свою очередь, состоят из ряда признаков (или, используя иную терминологию, элементов). Мы писали, что для целей настоящего издания будем использовать традиционную лексику: признак – первичный компонент состава, элемент – вторичный, т. е. более крупный.

До революции, однако, господствовал несколько иной подход к структуре состава. Состав преступления делился на три части: «лицо действующее – виновник преступного деяния, 2) то, на что направляется действие виновного, – объект или предмет преступного посягательства и 3) самое преступное посягательство, рассматриваемое с внутренней и внешней его стороны»⁷⁶. Данный подход имеет свою логику. В отличие от принятого сейчас, преступление мысленно расчленялось сначала на три части *одного порядка*: субъект, объект и собственно преступное деяние. И лишь затем вычленились более дробные элементы в одной из частей. На наш взгляд, принципиальных отличий между старым и новым подходами нет, так как в конечном счете выделяются одни и те же составляющие («скачок» в расчленении целого на части логикой, как известно, не противопоказан). В выигрыше же остается принятая сейчас схема, укладывающая эти составляющие в два, а не в три уровня. Такой подход упрощает конструкцию состава преступления, делает ее более удобной для восприятия и применения.

Четырехэлементная формула состава в наше время подверглась критике уже по иной причине, а именно в силу того, что она объединила в понятии состава преступления не только само преступление, но и другие явления. «Поскольку объект преступления – то, на что оно направлено, субъект – тот, кто его осуществляет, место, время и обстановка совершения преступления – то, в каких условиях оно происходит, вина – психическое отношение

⁷⁶ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. С. 141–142.

к преступлению, цель – представление о результате преступления, мотив – побуждение к совершению преступления, эмоции – психическое состояние в момент совершения преступления, все это в понятие состава преступления входить не может»⁷⁷, – писал, к примеру, Е. В. Благов. Это мнение не получило широкой поддержки среди криминалистов, что представляется справедливым. Без вины, объекта и т. д. деяние не может быть названо преступлением, а потому синтез компонентов, позволяющих это сделать, вполне оправдан. Мы уже отмечали, что состав – искусственное образование, в котором посредством моделирования отображены весьма разнородные явления реальной действительности. Моделирование есть не только прием познания существующего, но и способ создания нового, пусть и искусственного образования, но отвечающего стоящим перед ним задачам.

И данная интеграция разнородных жизненных компонентов в рамках состава преступления – несомненное достижение уголовно-правовой науки. Благодаря ей удалось достичь единодушия (относительного, правда) в вопросах об основании уголовной ответственности, алгоритме квалификации преступления, сделался возможным системный анализ всех преступлений и т. д. Выведение за рамки состава преступления вышеуказанных компонентов актуализирует вопрос об основании уголовной ответственности и многие другие. Нужно будет закладывать новый фундамент под здание уголовного права, но к чему это, если существующий не устарел? Претензии к составу преступления касаются его искусственного характера, который, напротив, что мы не раз подчеркивали, его достоинство и повод для заслуженной гордости авторов доктрины уголовного права.

Многие ученые, выводя субъекта за рамки состава преступления, в качестве аргумента приводили ст. 5 УПК 1960 г. В данной статье говорилось, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению и «за отсутствием в деянии состава преступления» (п. 2 ч. 1), и в отношении лица, не достигшего к моменту совершения общественно опасного дея-

⁷⁷ Благов Е. В. Основы применения уголовного права. Ярославль, 1992. С. 15.

ния возраста уголовной ответственности (п. 5 ч. 1). Следовательно, рассуждали авторы, сам законодатель не включает субъекта в состав преступления⁷⁸. Однако данный довод даже с точки зрения УПК 1960 г. выглядел сомнительным. Дело в том, что обстоятельство, предусмотренное п. 5, не признавалось реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела⁷⁹. Пункт 2, напротив, закреплял реабилитирующее основание (что прямо следовало из ст. 58¹ УПК РСФСР). И чтобы не вызвала сомнений нереабилитирующая природа первого обстоятельства (ведь субъект – элемент состава), его поместили в отдельный пункт. Таким образом, сделано это было исключительно из процессуальных соображений и не означало выведение законодателем субъекта за рамки состава преступления. Тем не менее «материалисты» не упускали случая упрекнуть представителей уголовно-процессуальной науки за такое, не совсем удачное, решение вопросов реабилитации. В итоге «формалисты» сдались. В ч. 3 ст. 27 действующего УПК РФ прямо говорится, что уголовное преследование в отношении лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, подлежит прекращению по основанию, указанному в п. 2 ч. 1 ст. 24 Кодекса, т. е. за отсутствием в его деянии состава преступления. И уже ч. 4 ст. 133 УПК поясняет, что такие лица не имеют права на реабилитацию. Логичное, очевидное, а потому прогрессивное, на наш взгляд, законодательно-техническое решение. Поэтому и в УК, и в УПК сегодня состав преступления понимается в единстве всех четырех своих элементов.

Таким образом, состав преступления включает четыре элемента: объект, объективную сторону, субъекта и субъективную сторону. В свою очередь, данные элементы состоят из признаков, предусмотренных законом и характеризующих деяние как определенное преступление. Например, к объективной стороне

⁷⁸ См., например: Ялин А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности // Рос. юстиция. 2001. № 2. С. 59.

⁷⁹ См.: Левинова Т. А. Законодательная регламентация реабилитирующих оснований прекращения уголовных дел (оправдания) // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2000. С. 145.

традиционно относят такие признаки, как деяние, последствия, связь между деянием и последствиями, способ, средства, орудия, обстановка, место и время совершения преступления; к субъективной стороне – вину, мотив, цель и эмоции. Не существует состава преступления, который бы включал все эти признаки. При определении круга всех признаков, относящихся к каждому из четырех элементов состава, принято отвлекаться от состава преступления в точном смысле этого слова (понимаемого как состав определенного преступления) и анализировать обобщенную структуру всех составов, описанных в УК. То есть структуру даже не состава преступления, а некой общей, абстрактной их модели (модели, польза которой в уголовном правотворчестве будет показана во второй главе настоящей работы).

Отметим, что в вопросе о *круге* признаков того или иного элемента полного единодушия в науке не наблюдается. Иногда потерпевшего рассматривают в качестве предмета преступления, понятием обстановки охватывают место и время совершения преступления, понятием средств – орудия совершения преступления и т. д.

Ряд признаков состава может быть расчленен на более дробные единицы (*признаки второго порядка*). Эти признаки выделяются как наиболее типовые (нередко альтернативные) формы существования признаков первого порядка. Так, деяние включает признаки действия и бездействия, вина – признаки умысла и неосторожности, связь – признаки причинно-следственной и обусловливающей связи и т. д.

Признаки и первого и второго порядка не всегда прямо выражены в уголовном законе. Думается, что это одна из причин споров, возникающих среди ученых и практиков по поводу понимания характера того или иного состава преступления (например, налоговых преступлений). Поэтому для разрешения таких споров есть смысл выделять, условно говоря, *явные* и *«скрытые» (невидимые)* признаки состава преступления. Скрытые признаки – это признаки, помещенные в состав преступления, но прямо в законе не выраженные (например, прямой умысел в хищениях и налоговых преступлениях).

Теперь в сжатом виде охарактеризуем каждый из четырех элементов состава преступления, учитывая, что подробное рассмотрение этих вопросов – содержание конкретных разделов уголовно-правовой доктрины.

Объект преступления – это правоотношения, на которые посягает преступление. Среди признаков этого элемента преступления при описании составов преступлений законодатель указывает на основной объект, дополнительный объект, предмет преступления, потерпевшего. Обязательный для всех составов признак – основной объект, остальные встраиваются в конструкцию состава не всегда. Так, предмет преступления (согласно господствующей позиции, предмет материального мира, на который посягает преступник⁸⁰) присущ основным и квалифицированным составам хищений чужого имущества (ст. 158–161 УК). Но этот признак вовсе не обязателен, например, для основного и квалифицированного состава оскорбления (ст. 130 УК).

Редко предлагаемая в учебной литературе классификация объектов «по вертикали»⁸¹ не имеет прямого отношения к составу преступления. Так, родовой объект является объектом совокупности преступлений, объединенных в рамках одной главы Особенной части УК. Ясно, что состав преступления обрисован не в целой главе УК. Такой состав можно вывести из УК путем обобщения признаков составов преступлений, предусмотренных отдельной главой УК, т. е. путем абстракции. Но это уже будет не состав преступления в точном смысле слова, а состав множества преступлений, объединенных общностью их объекта. Классификация объектов «по вертикали», таким образом, есть способ познания уголовного закона и логики построения его Особенной части.

По нашей трактовке состава преступления, объект как элемент последнего является объектом преступления, предусмо-

⁸⁰ На наш взгляд, эта распространенная позиция не бесспорна. Например, предметом мошенничества в форме приобретения является, на наш взгляд, право на имущество, а не само это имущество.

⁸¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Изд. испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 89 (автор главы об уголовной ответственности и составе преступления – С. М. Кочои).

треного неделимой на части статьей Особенной части УК или частью статьи Особенной части УК. На этом уровне объект может быть основным и дополнительным, а дополнительный – обязательным и факультативным (не обязательным).

Например, основной объект простого похищения человека (ч. 1 ст. 126 УК) – свобода передвижения человека. Факультативный объект этого же преступления (т. е. не обязательный дополнительный) – личная неприкосновенность человека (насилие, не опасное для здоровья, поглощается ч. 1 ст. 126 УК). Основной объект особо квалифицированного похищения человека (ч. 3 ст. 126 УК) тождественен объекту основного состава, т. е. это свобода передвижения человека. Спектр факультативных объектов этого состава весьма обширен – это и жизнь человека, и здоровье человека (с учетом поглощения частью 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 126), и правоотношения собственности, и т. д. Примером обязательно дополнительного объекта выступает жизнь человека в составе преступления, предусмотренном ч. 4 ст. 111 УК (основной объект – здоровье человека).

Объективная сторона преступления – это совокупность внешних признаков преступления. К ним относят деяние, последствия, связь между деянием и последствиями⁸², способ, средства, орудия, обстановку, место и время совершения преступления. Непременным свойством всех составов является только первый признак – деяние. Остальные не всегда включаются в состав. Отметим, что следует различать деяние и способ как признаки объективной стороны. Способ как признак состава представляет собой прием (форму) выполнения деяния как признака состава (основного деяния) либо дополнительное по отношению к последнему деяние. Например, в составе изнасилования, предусмотренном ч. 1 ст. 131 УК, основным деянием выступает половое сношение, а дополнительным (*способом*) – насилие или угроза его применения. Использование беспомощного состояния потер-

⁸² Мы сознательно указываем на *связь* как признак объективной стороны, поскольку она может быть как *причинно-следственной*, так и *обуславливающей*. Наглядные примеры – ст. 224 и ч. 4 ст. 234 УК, где в составы преступлений включена связь, лишь обуславливающая наступление результата.

певшей – это также способ, но характеризующий прием совершения полового сношения.

Субъект преступления – это лицо, которое может быть исполнителем определенного преступления и нести за это уголовную ответственность. Общие признаки субъекта названы в ст. 19 УК (физическое лицо, возраст, вменяемость), а специальные – в статьях или примечаниях к статьям Особенной части УК (например, субъектом получения взятки по ч. 1–4 ст. 290 УК может быть только должностное лицо). К числу признаков, характерных для всех без исключения составов преступлений в УК РФ, относятся все три общих признака субъекта. При этом два из них имеют точное значение: физическое лицо и вменяемость. Возрастная же граница дифференцирована в Общей части УК на два показателя: старше 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК) и старше 16 лет (ч. 1 ст. 20 УК). Иная возрастная «планка», например совершеннолетие субъекта, иногда указывается при описании признаков преступления в Особенной части УК (ст. 150, 151 и т. д.).

Субъективная сторона преступления – это психическая деятельность лица в момент совершения преступления. При обрисовке каждого состава законодателем обязательно используется признак «вина» (не всегда, к сожалению, явно выраженный – ст. 110 УК и т. п.). Вина выражается в форме умысла и (или) неосторожности. Иными признаками субъективной стороны в некоторых составах преступлений выступают также мотив, цель, эмоции.

Добавим, что изложенное представление о признаках, относящихся к тому или иному элементу состава, в перспективе может и должно быть уточнено. Анализ уголовного закона – места «дислокации» состава – высвечивает некоторые *иные* признаки, которые могут включаться в состав преступления. К примеру, *поведение иного лица* (чаще всего потерпевшего) – признак составов, закрепленных в ч. 1 и 2 ст. 107 УК. Интересный признак закреплен в ст. 337 УК – «продолжительность совершения преступления» (его отличие от признака «время совершения преступления» очевидно).

Е. В. Благов, также затрагивающий рассматриваемый вопрос, предлагает определиться с такими признаками преступлений, как

заведомость в ст. 105 УК РФ (и др.), осознание в ст. 205¹, возможность повлечь соответствующие последствия в ст. 215 УК (и др.), оспариваемость определенных действий организацией или гражданином в ст. 330. «Если первые два признака, – пишет он, – по своей природе очевидно тяготеют к субъективной стороне преступления, то последние два не способны охватываться составом преступления»⁸³. Следует согласиться с отнесением первых двух свойств к субъективной стороне, поскольку они отражают познавательные процессы в психике субъекта преступления.

Два же последних признака относятся, на наш взгляд, к объективной стороне преступления. Возможность повлечь соответствующие последствия – это объективное явление, вызванное совершением деяния (это также его последствие, пусть и не столь осязаемое, как реально причиненный вред). Оспариваемость определенных действий организацией или гражданином в ст. 330 УК – также объективный признак (мы называем его «поведение иного лица»). Тот факт, что этот признак лежит за рамками деяния субъекта преступления, не имеет определяющего значения. В состав преступления включаются самые разнообразные признаки, в своем единстве обосновывающие уголовную ответственность. Напомним также, что состав преступления – это система признаков, установленных законом (в этом и состоит нормативная природа состава). Поэтому если уголовный закон, описывая преступление, называет те или иные признаки, даже прямо не относящиеся к деянию субъекта, они автоматически включаются в состав этого преступления. Таковы, например, основной и дополнительный объекты, место, время и обстановка совершения преступления. Эти признаки тоже не суть свойства самого деяния субъекта, но они традиционно и по праву включаются в состав, ибо используются законодателем при обрисовке преступлений.

Очевидно, однако, что вопросы о малоисследованных и неисследованных признаках состава требуют отдельного обстоятельного освещения в рамках учения о каждом из элементов состава преступления.

⁸³ Благов Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть). С. 31.

Контрольные вопросы

1. Когда в юридический лексикон был широко введен термин «состав преступления» и что под ним первоначально понималось?
2. Каковы границы состава преступления?
3. Где описываются признаки состава преступления?
4. Все ли признаки состава преступления изложены в Особенной части УК РФ?
5. Относятся ли к признакам состава преступления обстоятельства, регламентированные в главе 8 УК РФ (исключающие преступность деяния)?
6. Чем состав преступления отличается от самого преступления?
7. Чем состав преступления отличается от малозначительного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 14 УК РФ?
8. Имеются ли все признаки состава преступления в поведении соучастников преступления и в неоконченном преступлении?
9. Дайте определение состава преступления.
10. В чем заключается уязвимость классического определения состава преступления?
11. В чем несовершенство действующей редакции ст. 8 УК «Основания уголовной ответственности»?
12. Какие предложения по совершенствованию ст. 8 УК вам известны?
13. Какова структура состава преступления?
14. Как дореволюционные российские правоведы определяли структуру состава преступления?
15. Что понимается под объектом преступления?
16. Что представляет собой объективная сторона преступления?
17. Что относится к признакам субъекта преступления?
18. Что понимается под субъективной стороной преступления?
19. Какие признаки присущи каждому составу преступления в УК?
20. Какой основной аргумент выдвигают сторонники исключения из законодательства и доктрины уголовного права понятия состава преступления?

Глава II. Значение состава преступления

§ 1. Значение состава преступления в правоприменительной практике

О роли состава в правоприменении в теории уголовного права написано немало. Представляется, что наиболее обстоятельно и всесторонне этот вопрос освещен в работах В. К. Кудрявцева⁸⁴. Академик В. Н. Кудрявцев, в частности, писал: «Состав служит юридическим основанием привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава, соответствует ему, так же как единичный предмет относится к определенному классу предметов, мы говорим, что в действиях этого лица имеется состав преступления. При расхождении хотя бы одного признака основание для наступления уголовной ответственности отсутствует. Как известно, уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению во всякой стадии процесса за отсутствием в деянии состава преступления. Ответственность наступает по определенной статье Особенной части уголовного законодательства. Именно в этом смысле состав преступления следует считать необходимым и единственным основанием уголовной ответственности, а поэтому и юридическим основанием квалификации преступлений»⁸⁵. Следствием указанных свойств состава преступления является выполнение им разграничительной функции: «Не могут существовать два абсолютно одинаковых (идентичных состава); все составы преступлений различаются между собой хотя бы одним признаком. Отсутствие различий между составами означало бы

⁸⁴ См., в частности: Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963; Его же. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972; Его же. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001; Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. СПб., 2005. С. 3–86 (В. Н. Кудрявцев – автор главы о понятии состава преступления).

⁸⁵ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 61.

невозможность разграничения смежных преступлений»⁸⁶. Например, признаком предмета различаются основной состав хищения либо вымогательства огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 1 ст. 226 УК) и основной состав хищения либо вымогательства наркотических или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 1 ст. 229 УК).

Многие академические идеи относительно роли состава в квалификации получили дальнейшее развитие, а порой и уточнение в работах Е. В. Благова⁸⁷. Им поддерживается взгляд о том, что «при квалификации преступления эталоном оценки следует считать состав преступления»⁸⁸. Типовой алгоритм квалификации выстроен им в привязке к элементам состава преступления и предполагает последовательное сопоставление признаков содеянного с признаками: сначала – объективной стороны (поведение, способ, орудия и средства совершения деяния, последствия, причинная связь, место, время и обстановка), после этого – объекта и субъекта, и, наконец, «все завершается признаками субъективной стороны (эмоции, мотив, цель вина)»⁸⁹.

Для правильной квалификации преступлений необходимо верное и ясное представление о составе преступления. Это касается, среди прочего, верного понимания рамок состава в Особенной части УК. Квалификация предполагает установление соответствия между содеянным и составом преступления. Последний предусмотрен, как мы помним, рядом статей Общей части УК РФ и статьями Особенной части УК РФ. В Особенной части его признаки

⁸⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. С. 62.

⁸⁷ См.: Благов Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль, 2003; Его же. Общая теория применения уголовного права. Ярославль, 2003; Его же. Применение уголовного права (теория и практика). СПб., 2004.

⁸⁸ Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). С. 94.

⁸⁹ См.: Там же. С. 103–116.

изложены в неделимой на части статье или части статьи. Следовательно, квалификация, по общему правилу, означает необходимость четкого определения статьи или части статьи Особенной части УК, в которой описано преступление. Если статья или часть состоит из пунктов, то правоприменитель обязан четко указать в квалификации пункт или пункты, которым соответствует содеянное (п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «а», «б» ч. 2 ст. 105 и т. д.). Указание на пункт не означает, что в одном пункте содержится отдельный состав преступления, такой пункт закрепляет лишь разновидность квалифицированного состава, т. е. тот или иной квалифицирующий признак. Если в содеянном есть признаки неоконченного преступления или соучастия, то, помимо статьи (части, пункта) Особенной части, обязательная ссылка на соответствующие части ст. 30 и (или) ст. 33 УК РФ. Например, лицо, оказавшее содействие вору путем изготовления ключа от квартиры, в случае задержания последнего при выходе из квартиры будет отвечать по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Теперь еще раз заострим внимание на важности верного понимания состава для правильной квалификации. Это касается, в частности, понимания его признаков, как имеющих определенную широту выраженности, и понимания его рамок. Для иллюстрации обратимся к одной из дискуссионных проблем квалификации получения взятки, а именно к квалификации содеянного при получении взятки в крупном размере (п. «г» ч. 4 ст. 290 УК), когда должностным лицом получена лишь часть взятки, сама по себе не образующая крупного размера. То есть имеет место ситуация частичной реализации умысла. По мнению Б. В. Волженкина, в таких ситуациях «содеянное следует квалифицировать как покушение на получение взятки в крупном размере»⁹⁰. Его мнение разделяет и А. В. Грошев⁹¹. Суждения данных ученых выглядят более взвешенным, чем позиция Верховного Суда РФ, кото-

⁹⁰ См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 201.

⁹¹ См.: Грошев А. В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики): монография. Краснодар, 2008. С. 78.

рый, независимо от величины полученной части, рассматривает содеянное как оконченное преступление⁹².

Вместе с тем и мнение названных ученых требует, на наш взгляд, уточнения. Состав преступления, как отмечалось, обрисован не в отдельном пункте статьи Особенной части УК, а в ее части. При этом величина крупного размера взятки определена в примечании к ст. 290 УК – это сумма, превышающая 150 тыс. руб. Широта выраженности признака крупного размера взятки – от 150 тыс. руб. 01 коп. до бесконечности. Если, например, чиновник задумал получить 3 млн руб., а завладел лишь первой частью в размере 1 млн руб., то содеянное соответствует признаку крупного размера в рассматриваемом составе. Деяние чиновника по признаку размера взятки, т. е. полученный «транш», «укладывается» в диапазон от 150 тыс. руб. 01 коп. Получается, что должностное лицо задумало преступление, состав которого предусмотрен ч. 4 ст. 290 УК, и совершило его. Налицо все признаки получения взятки в крупном размере (п. «г» ч. 4 ст. 290). Частичная (неполная) реализация умысла в данном случае не имеет значения для квалификации (но подлежит учету при индивидуализации наказания).

Однако и в том случае, если полученная часть крупной взятки не достигает сама по себе крупного размера, содеянное при определенном условии следует оценивать как оконченное преступление. Это условие – соответствие содеянного иным суперквалифицирующим признакам (ч. 4 ст. 290 УК): признакам группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или вымогательства взятки. Эти признаки, наряду с крупным размером взятки, являются альтернативными признаками состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 290 УК РФ. Из теории же квалификации известно, что выполнение любого альтернативного признака состава (даже при неудавшейся попытке реализации другого) достаточно для вывода о наличии состава.

Показательно в этом плане разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по делам о фальшивомонетничестве (ныне предусмо-

⁹² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 1–3 квартал 1999 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12. Впрочем, практика Верховного Суда РФ по этому вопросу не отличается единообразием.

тленном ст. 186 УК РФ): «Изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, *независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки*»⁹³. То есть выполнение любого из альтернативных деяний, даже при неудачной попытке совершения другого, означает наличие состава преступления. Проводя параллель, если, например, при умысле на получение 1 млн руб. чиновник *путем вымогательства* получил лишь 100 тыс. руб. и был задержан, то представляется, что содеянное является оконченным преступлением (получением взятки, сопряженным с ее вымогательством) и должно квалифицироваться по п. «в» ч. 4 ст. 290 УК. Неполная реализация умысла в части получения крупной взятки («замах» на п. «г» ч. 4 ст. 290) не изменяет, на наш взгляд, квалификации (по составу, предусмотренному ч. 4 ст. 290), но подлежит учету при назначении наказания.

В первой главе отмечалось, что общественная опасность лежит за рамками состава преступления. Поэтому, установив, что содеянное отвечает признакам состава, названным в законе, правоприменитель должен проверить содеянное на предмет наличия в нем общественной опасности (на предмет отсутствия в нем признаков малозначительности – ч. 2 ст. 14 УК). Это всегда вопрос факта. Если состав преступления – это «вопрос закона», то общественная опасность – вопрос факта. Важно подчеркнуть, что обязательным условием применения ч. 2 ст. 14 УК является установление признаков состава преступления. К сожалению, в практике (весьма скромной) применения нормы о малозначительности наблюдаются ошибки, вызванные игнорированием отмеченного условия. Печально, что такого рода ошибки присущи и практике высшей судебной инстанции страны.

Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 г. № 20-д05-15 было прекращено производство по делу о самоуправстве, а приговор ни-

⁹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 6. С. 5.

жестоящего суда в отношении Г. отменен, поскольку действия осужденной в силу малозначительности не представляют общественной опасности, так как ими не причинен существенный вред потерпевшей. Г. была осуждена по ч. 1 ст. 330 УК РФ за то, что самовольно, вопреки установленному законом порядку, вынесла личное имущество И. из общих комнат и впоследствии, заменив входную дверь данной квартиры, лишила И. возможности пользоваться общими комнатами в вышеуказанной квартире, тем самым самовольно захватила полезную площадь размером 8,2 кв. м, причинив И. существенный вред. Кассационная инстанция, проверив материалы уголовного дела, указала, что действия Г. не повлекли причинение существенного вреда И. Приведем, однако, цитату из решения Верховного Суда РФ: «Таким образом, имеющимися в деле доказательствами установлено, что Г. совершила действия, которые формально содержат признаки самоуправства, но *в силу малозначительности* не представляют общественной опасности, так как ее действиями не причинен существенный вред потерпевшей И.»⁹⁴.

Уязвимость данного судебного акта очевидна. Отсутствие существенного вреда означает отсутствие состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК, поскольку последствие в виде существенного вреда является его признаком. «Если же конкретное деяние даже формально не соответствует указанным признакам (*признакам преступления – А. И.*), вопрос о применении правила ч. 2 ст. 14 УК не возникает, ибо такое деяние, какой бы опасностью оно ни обладало, вообще не может быть отнесено к числу преступлений», – правильно отмечал Э. С. Тенчов⁹⁵.

Следовательно, в рассмотренном случае нет оснований для утверждения о малозначительности содеянного и об отсутствии общественной опасности. Если содеянное не запрещено уголовным законом, т. е. не наблюдается соответствия между ним и

⁹⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30.01.2006 г. № 20-д05-15 // СПС «КонсультантПлюс» (документ не опубликован).

⁹⁵ Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Л. Л. Кругликова. М., 2005. С. 117 (Э. С. Тенчов – автор главы о понятии преступления).

составом преступления, то вопрос об общественной опасности не должен возникать. По крайней мере у правоприменителя (законодатель, разумеется, вправе криминализировать такое деяние). Нет запрещенности, т. е. состава преступления, значит нет и преступления.

Со сказанным тесно взаимосвязан другой правоприменительный вопрос: о составе преступления и его понимании в уголовно-процессуальном праве, а также в практике его применения. В силу п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующему основанию: отсутствие в деянии состава преступления. В силу ст. 302 УПК при отсутствии в деянии подсудимого состава преступления постановляется оправдательный приговор.

Требование законодательной техники о том, что термин должен иметь одно значение во всем законодательстве, к сожалению, трудновыполнимо. Однако в комплексе смежных отраслей желательно все-таки обеспечивать жесткое соблюдение данного правила. Уголовное право и уголовно-процессуальное право, наряду с уголовно-исполнительным, образуют блок правовых отраслей «криминального» цикла. В связи с этим термин «состав преступления» в данном законодательном массиве должен иметь одно значение.

Именно по этой причине свою позицию по ст. 8 УК, которая является следствием нашей трактовки состава преступления и изложена в первой главе работы, мы считаем важным и необходимым экстраполировать на УПК РФ. Судя по сложившейся практике применения п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ состав преступления не усматривается в малозначительных деяниях, описанных в ч. 2 ст. 14 УК. Согласно развиваемому нами взгляду, такие деяния соответствуют составу преступления, т. е. описаны в уголовном законе в качестве преступлений, запрещены. Следовательно, в таких ситуациях, на наш взгляд, следует отказывать в возбуждении уголовного дела либо прекращать дело (преследование) по иному основанию, нежели «отсутствие состава преступления». По этой причине нам представляется разумным введение в ст. 24 УПК РФ дополнительного основания прекращения дел и отказа

в их возбуждении – «малозначительность деяния» (отсутствие в деянии общественной опасности).

Отдельно заметим, что такой шаг при условии введения статистического учета по этому основанию позволит определить реальную распространенность в практике неопасных, хотя формально и предусмотренных УК деяний. Сегодня не известна частота применения ч. 2 ст. 14 УК, а ведь это злободневная проблема. Органы предварительного расследования боятся брать на себя ответственность и оценивать содеянное как малозначительное деяние ввиду оценочного характера последнего понятия. Усмотрев все признаки состава, указанные в уголовном законе, они направляют дело прокурору. После этого редкий прокурор, а затем и судья решаются применить ч. 2 ст. 14 УК, поскольку принятие такого решения означает, что преследование лица (действия и решения следователя, прокурора и т. д.) было незаконным. В итоге лиц, деяния которых не представляют общественной опасности, осуждают. Случаи применения нормы о малозначительном деянии единичны в каждом регионе России, что хорошо известно каждому практикующему юристу. Введение статистического учета наглядно подтвердило бы этот факт и, возможно, послужило бы толчком к изменению сложившейся ситуации, когда решающее значение придается лишь одному «формальному» признаку преступления.

Кроме того, последовательно развивая наш взгляд на состав преступления, считаем необходимым уточнение п. 2 ч. 1 ст. 24 и ст. 302 УПК. Основанием отказа в возбуждении дела, прекращения возбужденного и вынесения оправдательного приговора должно быть признано несоответствие признаков совершенного деяния составу преступления.

§ 2. Значение состава преступления в уголовном правотворчестве

В уголовном правотворчестве состав преступления выступает объектом конструирования, т. е. одним из «продуктов» этого правотворчества. По этому поводу Ю. И. Ляпунов отмечает следующее: «Несомненно, наиболее важная и значимая функция состава преступления – его формирование законодательной вла-

стью в результате сложного познавательного, прогностического и оценочного процесса, который в итоге (через прохождение конституционно определенных обязательных процедур) создает Особенную часть УК РФ. Конструирование соответствующего состава преступления – основа и одновременно один из показателей профессионального уровня парламента страны»⁹⁶.

В правотворчестве крайне важно правильное понимание этого состава, в частности его границ в Особенной части. Уяснив, что эти границы определяются рамками части статьи УК (если она делится на части) либо неделимой статьей УК, можно ставить и решать все иные вопросы правотворческого характера. Например, вопросы о том, почему разные по характеру деяния объединены в одном составе (в частности, хищение и приобретение в основном составе мошенничества), почему появляются составы с альтернативными признаками, иные сложные по конструкции составы и т. д.

И здесь мы понимаем, что должны существовать определенные средства, приемы и правила конструирования состава преступления. Однако ученые хотя и потрудились над этими вопросами, но еще в явно недостаточной, как представляется, степени. Поскольку основная часть признаков состава изложена в диспозиции статьи УК, постольку следует упомянуть, что одним из первых попытался вычлнить правила построения диспозиций М. И. Ковалев⁹⁷. До логического завершения данное начинание довел его ученик И. А. Семенов, четко указавший на построение диспозиций статей уголовного закона как на самостоятельные элементы законодательной техники⁹⁸. Позднее постаралась разработать построение диспозиции Е. В. Ильюк⁹⁹. Заметим,

⁹⁶ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 101 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

⁹⁷ См.: Ковалев М. И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3. С. 142.

⁹⁸ См.: Семенов И. А. Законодательная техника советского уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1983. С. 12.

⁹⁹ См.: Ильюк Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.

что уральские криминалисты (М. И. Ковалев, И. А. Семенов, Е. В. Ильюк), сосредоточив основное свое внимание на внешней форме права, рассмотрели проблемы языкового выражения диспозиций (лишь попутно упоминая о разновидностях конструкций составов преступлений и тому подобных вопросах). Между тем языковое изложение диспозиций статей не затрагивает главных – технико-содержательных – аспектов построения составов преступлений. Это взаимосвязанные, но различные аспекты образования составов преступлений.

На уровне содержания уголовного права диспозициям статьи Особенной части УК соответствуют основные признаки конструируемого состава преступления. И законодатель «строит» не просто диспозицию, а именно состав преступления. Поэтому логично, как нам представляется, выделять в структуре законодательной техники не построение диспозиции, а именно методику конструирования состава преступления (рассматривая эту методику как часть внутренней законодательной техники, поскольку с ее помощью прорабатывается содержание уголовно-правового запрета). Отметим, что данная методика не получила должной разработки в доктрине уголовного права и потому по большому счету является «белым пятном» в учении о законодательной технике¹⁰⁰.

В основе данной методики лежит уголовно-правовая конструкция преступления (конструкция преступления). Она объединяет элементы, традиционно изучаемые в общем учении о

¹⁰⁰ О необходимости разработки данной методики и общих ее компонентах см.: Иванчин А. В. Методика конструирования состава преступления и совершенствование уголовного закона // Проблемы совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: материалы Международной научно-практической конференции. Вологда, 2006. С. 77–82; Его же. Системный подход к конструированию состава преступления // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 152–155; Его же. Конструирование составов преступлений: разработка методики и пути совершенствования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции (24–25 января 2008 г.). М., 2008. С. 66–69.

составе преступления. Под составом преступления, как уже отмечалось, следует понимать признаки, характеризующие деяние как предусмотренное в качестве *определенного преступления*. Указанное значение состава преступления является основным. В то же время, как известно, «слово в процессе своего исторического развития кроме основного значения может приобретать новое, производное значение»¹⁰¹. Такая эволюция и произошла с термином «состав преступления». А. Ф. Черданцев, в частности, рассматривает состав преступления уже не как законодательное описание определенного преступления, а как юридическую конструкцию.

И в этом значении – значении конструкции, средства законодательной техники – термин «состав преступления» обозначает совсем иного плана правовой феномен, а именно обобщенную структурно-системную модель различных преступлений. Состав преступления, понимаемый таким образом, не бывает общим или специальным, материальным или формальным и т. д., потому что, как правильно отмечает А. Ф. Черданцев, «деление составов на виды с точки зрения этой общей их структуры не имеет под собой основы»¹⁰². Чтобы не создавать терминологической путаницы, состав преступления в значении средства законодательной техники («инженерного средства») следует именовать, на наш взгляд, уголовно-правовой конструкцией преступления (или просто конструкцией преступления).

Данная конструкция состоит из четырех частей (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона), подразделяемых на элементы, изучаемые в общем учении о составе преступления. Объективная сторона, например, включает элементы «деяние», «последствия», «причинная связь», «способ», «средства», «орудия», «обстановка», «место» и «время»; субъективная сторона состоит из элементов «вина», «мотив», «цель» и «эмоции» и т. д. (более подробно структуру состава, которой соответствует структура конструкции преступления, мы рассматривали

¹⁰¹ Розенталь Д. Э. Русский язык: пособие для поступающих в вузы. 5-е изд. М., 1994. С. 55.

¹⁰² Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 142.

в предыдущей главе). При регламентации соответствующего состава преступления законодатель отбирает необходимые ему элементы конструкции преступления, а после наполняет их юридически значимой информацией. Так, при обрисовке нарушения правил охраны труда, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 143 УК), законодатель задействовал, среди прочих, такие элементы, как «деяние», «причинная связь», «последствия», «вина», «специальный субъект». А затем наполнил их правовым содержанием: в диспозиции ч. 1 ст. 143 говорится соответственно о нарушении правил охраны труда, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенном по неосторожности лицом, обязанным соблюдать эти правила.

Процесс использования уголовно-правовой конструкции состоит из двух этапов, выделяемых условно: на первом законодатель отбирает интересующие его элементы, а на втором – наполняет их содержанием. При этом ошибки, свидетельствующие об издержках законодательной техники, могут быть допущены как на первом, так и на втором этапе. Результатом ошибок на первом этапе являются «переборы» и «недоборы» элементов в создаваемых нормативных построениях.

Так, примером «перебора» из-за нарушения криминологических требований является состав неисполнения обязанностей налогового агента, в который абсолютно излишне включен элемент «мотив» – личный интерес (ст. 199¹ УК). И без него указанное преступление достигает уровня общественной опасности, характерного для преступлений. Не случайно родственные налоговые преступления (ст. 198, 199 УК) обрисованы без указания на мотив их совершения. Трудно не согласиться с И. Н. Соловьевым, который пишет: «Представляется необходимым исключить из диспозиции ч. 1 ст. 199¹ слова "в личных интересах", поскольку для признания деяния уголовно наказуемым достаточно совершения лицом виновного действия (бездействия), в результате которого бюджетная система Российской Федерации недополучила сумму налогов в крупном размере»¹⁰³. Ранее аналогичное пред-

¹⁰³ Соловьев И. Н. Преступные налоговые схемы и их выявление: учебное пособие. М., 2010. С. 94.

ложение высказывал и О. Г. Соловьев, указывая, что признак «личный интерес» в ст. 199¹ «является излишним и приводит к необоснованной декриминализации отдельных преступных деяний в налоговой сфере»¹⁰⁴.

Еще один подобный пример. До недавних пор торговля людьми (ст. 127¹ УК) была наказуема лишь при условии преследования виновным цели эксплуатации потерпевшего. Такой подход был несостоятелен, поскольку в реальности распространены и общественно опасны сделки с «живым товаром» без такой цели (например, продажа новорожденных детей). Поэтому в конце 2008 г. законодатель под воздействием массивной критики ученых и практиков был вынужден трансформировать цель эксплуатации из обязательного в факультативный признак состава торговли людьми¹⁰⁵.

Образцом сугубо механического «перебора» являются составы хищений (кражи, присвоения и растраты, мошенничества, грабежа и др.). Они включают излишний, по мнению автора, элемент «последствия». Согласно примечанию 1 к ст. 158 УК, хищение описано по типу материального состава – как изъятие и (или) обращение чужого имущества, *причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества*. Но уже одно лишь изъятие имущества из фонда потерпевшего причиняет последнему имущественный ущерб. Последующее же пополнение фонда виновного (обращение имущества в его пользу) на ущербе никак не отражается. Вместе с тем любое хищение, согласно господствующему толкованию упомянутого примечания, предполагает сумму двух деяний – изъятия и обращения¹⁰⁶. Получается, что причинение ущерба лишь промежуточный этап хищения, следующий за изъятием, но предшествующий обращению имущества в пользу виновного (или иного лица).

¹⁰⁴ Соловьев О. Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль, 2008. С. 265.

¹⁰⁵ См.: Федеральный закон от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ.

¹⁰⁶ См., например: Мальцев В. В. Ответственность за преступления против собственности. Волгоград, 1999. С. 31; Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М., 2005. С. 208.

Поэтому Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», определяя момент окончания хищения, вовсе и не упоминает об ущербе: кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению¹⁰⁷. Отсюда указание на последствия (ущерб) в определении хищения представляется логически несостоятельным, что не учли разработчики УК в содержании понятия хищения. Поэтому есть резон, на наш взгляд, в реконструкции составов хищений – их трансформации из материальных в формальные (путем исключения из примечания 1 к ст. 158 УК слов «причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»).

«Перебор» в элементе «способ» имеется в составе, предусмотренном ч. 1 ст. 183 УК. В диспозиции ч. 1, помимо конкретных видов способа (похищения документов, подкупа, угроз), указан «иной незаконный способ» собирания сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Таким образом, выделение указанных способов практически сведено к нулю, их конкретизация в статье лишена какой-либо функционально-смысловой нагрузки, так как охватывается более общим понятием. Гораздо техничнее смотрелся бы такой, например, вариант диспозиции ч. 1 ст. 183 УК: «Незаконное собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну».

«Недобор» (недоукомплектовка) означает, что законодатель не принял во внимание такой элемент юридической конструкции, который необходим для регламентации соответствующего уголовно-правового запрета. Примером «недобора» является законодательная конструкция состава похищения человека, в которой отсутствует элемент «цель» (ч. 1 ст. 126 УК). Это служит причиной многочисленных ошибок на практике при отграничении похищения человека от убийств, изнасилований и иных преступлений, в ходе которых происходит изъятие потерпевшего. Для исправления ситуации представляется целесообразным дополнить законо-

¹⁰⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2.

дательную конструкцию похищения человека названным элементом, указав в ч. 1 ст. 126 УК на *цель удержания человека*.

Еще один неполно сконструированный, по нашему мнению, состав – основной и квалифицированный составы нарушения правил охраны труда (ч. 1 и ч. 2 ст. 143 УК), которые предполагают специального потерпевшего – работника организации или иное лицо, деятельность которого постоянно или временно связана с данным производством. Думается, что это общепринятое на практике¹⁰⁸ и поддержанное в теории¹⁰⁹ мнение вполне обоснованно, поскольку *охраняется труд*, а трудятся в данной организации только упомянутые лица. Однако ошибки в понимании рассматриваемого состава неизбежны, так как в нем элемент «потерпевший» отсутствует. В связи со сказанным заслуживает поддержки предложение И. В. Бессоновой о закреплении в тексте ч. 1 ст. 143 указания на потерпевшего¹¹⁰.

В учении о построении состава преступления, как уже отмечалось, крайне важно иметь ясное представление об «объекте строительства». В первой главе мы писали, что в теории и практике понятием состава преступления охватывают самые различные образования. Например, составом преступления считают состав, описанный в целом в ст. 105 УК. Иногда им именуют каждую из разновидностей убийства, выделенных в пунктах ч. 2 ст. 105 (например, гово-

¹⁰⁸ См.: п. 4 постановления № 16 Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» от 5 декабря 1986 г. // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко. М., 1999. С. 223.

¹⁰⁹ См., например: Уголовное право: Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 158; Уголовное право России: Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 149; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. М., 2001. С. 420–421.

¹¹⁰ См.: Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

рят о составе, предусмотренном п. «а» ч. 2 ст. 105). Нередко состав привязывают к части статьи УК. Реже, но также встречается позиция, когда в одной части одной статьи выделяют два и более состава, в частности в ч. 1 ст. 159 УК – состав хищения и состав приобретения. Так что же мы «строим», говоря о конструировании состава преступления? Ответ на данный вопрос мы дали в первом параграфе первой главы – признаки определенного преступления, т. е. предусмотренного, по общему правилу, частью статьи Особенной части УК или неделимой на части статьей Особенной части УК.

Именно такое понимание состава преступления и его рамок позволяет выделить, например, три типовых технических приема в образовании составов: их построение по типу формальных, материальных и формально-материальных (подробнее о них – в первом параграфе главы третьей). Регламентацию какого-либо явления с использованием элементов юридической конструкции по определенному *типу* есть все основания расценивать как *прием законодательной техники*. Поэтому построение составов по каждому из названных типов мы расцениваем как законодательно-технический прием.

Одним из важнейших правил, регулирующих процесс конструирования состава преступления, является *требование системности*. На наш взгляд, это правило предполагает учет системных связей состава преступления в ходе правотворчества *как минимум* на трех уровнях.

Первый уровень – это учет при создании состава преступления его системных связей с иными правовыми отраслями. Эти связи удачно задействованы при обрисовке многих составов с бланкетным содержанием. Однако есть и негативные примеры. Например, при конструировании составов нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов законодатель неэффективно и недостаточно корректно задействовал бланкетный метод. Это выразилось в следующем.

Прежде всего – в труднообъяснимом расхождении терминологии между УК РФ и Бюджетным кодексом РФ. В ст. 289 БК дано понятие нецелевого использования, а в УК – нецелевого расходования. По правилам законодательной техники в уго-

ловном законе следовало употребить понятие бюджетного права – «использование средств». В этом плане выгодно отличается от уголовного закона КоАП РФ, ст. 15.14 которого предусматривает наказание за нецелевое *использование* бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. На этот дефект статей 285¹ и 285² УК справедливо обращалось внимание сразу же после их появления в уголовном законе¹¹¹. Указанная замена, на наш взгляд, благотворно отразится на практике применения данных статей, поскольку понятие «использование», в отличие от термина «расходование», достаточно четко урегулировано в бюджетном законодательстве.

Кроме того, составы бюджетных преступлений представляются в целом излишне громоздкими и перенасыщенными бюджетной терминологией. Ведь исходя из системных связей права совершенно понятно, что квалификация данных деяний предполагает анализ бюджетного законодательства и законодательства о государственных внебюджетных фондах. В этом законодательстве определены все термины, которые необходимы правоприменителю для установления признаков нецелевого использования средств (бюджетные средства, бюджетная роспись, получатель бюджетных средств и т. д.). Например, в соответствии со ст. 6 БК РФ, бюджетные ассигнования – это предельные объемы денежных средств, предусмотренных в соответствующем финансовом году для исполнения бюджетных обязательств. Поэтому попытка наполнить анализируемые составы конкретными признаками из иноотраслевого законодательства, детализирующими понятие нецелевого использования средств, представляется неудачной. Правоприменитель должен обращаться к профильному законодательству для установления признаков нецелевой траты средств. В связи с этим представляется избыточной конкретизация актов, в которых определены условия получения бюджетных и внебюджетных средств. В ст. 289 БК (базовой норме) уже содержится привязка к этим условиям и их правовым основаниям. Кстати, в

¹¹¹ См.: Фазылов Р. Р. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 56.

этом плане более удачна обрисовка составов уклонения от уплаты налогов в ст. 198, 199 УК, которая носит обобщенный характер, что не вызывает неприятия при их практической реализации.

Таким образом, на наш взгляд, при конструировании основного состава бюджетного преступления (в частях первых ст. 285¹ и 285²) достаточно было обрисовать само деяние: *нецелевое использование бюджетных средств; нецелевое использование средств государственных внебюджетных фондов*. Нецелевой характер трат должен в ходе квалификации подтверждаться анализом бюджетного законодательства. По этой причине нам представляются несостоятельными и бесперспективными предложения отдельных специалистов о еще большей детализации диспозиции ч. 1 ст. 285¹ УК, в том числе предложение о дополнении в ней слов «средств на цели» фразой «не связанные с осуществлением государственных задач и функций, а также выполнением при выделении средств общественно необходимых работ»¹¹². Если такой признак действительно необходим в законодательном понятии нецелевого использования, то он должен найти отражение в отраслевой норме (ст. 289 БК РФ).

Наконец, третий «межотраслевой» изъян касается лишь ст. 285¹ УК в плане описания субъекта данного преступления. Им названо должностное лицо получателя бюджетных средств. Вместе с тем к участникам бюджетного процесса ст. 152 БК относит, помимо получателей средств, глав муниципальных образований, распорядителей бюджетных средств и других участников. Со стороны указанных лиц также возможно нецелевое использование денежных средств. И такое поведение с очевидностью достигает уровня общественной опасности, характерного для преступлений. Таким образом, в ст. 285¹ УК есть пробел, на что обоснованно обращается внимание в науке¹¹³. Ввиду этого представляется

¹¹² Устинов С. Что понимать под нецелевым расходованием бюджетных средств? // Законность. 2004. № 7. С. 30–31.

¹¹³ См.: Соловьев О. Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль, 2008. С. 242; Офицерова А. В. Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 8–9.

верной позиция Б. В. Волженкина: «... поскольку ст. 285¹ говорит об ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств, совершенное должностным лицом получателя бюджетных средств, преступление, совершенное должностным лицом главного распорядителя или распорядителя бюджетных средств, не подпадает под действие ст. 285¹ и должно квалифицироваться как превышение должностных полномочий по ст. 286 УК»¹¹⁴. Вместе с тем вменение в таких случаях общей нормы (ст. 286 УК) – вынужденная мера, вызванная несовершенством специальной (ст. 285¹ УК). Поэтому последнюю представляется разумным оптимизировать по примеру ст. 285² УК, т. е. в ней законодателью достаточно, на наш взгляд, ограничиться указанием просто на должностное лицо, без конкретизации его принадлежности к тому или иному участнику бюджетного процесса.

Особое значение при построении состава преступления имеет согласованность его признаков с признаками смежных административных правонарушений. Дело в том, что уголовное и административное право запрещают совершение нарушений с разным уровнем опасности. Следовательно, однородные нарушения из разных правовых отраслей являются смежными и с позиции законодательной техники должны иметь четкие разграничительные признаки. «Точность границ между преступлением и проступком должна обеспечиваться при формулировании составов преступлений в Особенной части УК и составов административных правонарушений в кодексе об административных правонарушениях», – верно отмечалось авторами Теоретической модели УК¹¹⁵. К сожалению, в настоящее время между предписаниями УК РФ и КоАП РФ имеются существенные коллизии, а порой и противоречия. Так, криминообразующие признаки ряда хищений (ст. 158–160 УК) ныне регламентированы только в ст. 7.27 КоАП РФ, хотя очевидно, что во избежание разночтений это давно пора было сделать и в уголовном законе. Сегодняшнее положение дел,

¹¹⁴ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. С. 125.

¹¹⁵ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. М., 1987. С. 9–10.

когда границы преступного оказались за рамками УК, – прямое нарушение принципа законности (ст. 3 УК).

Несогласованность присуща нормам и об охране избирательных прав граждан. В КоАП РФ избирательные деликты предусмотрены статьями 5.1–5.25, 5.45–5.52. Так, ст. 5.46 КоАП РФ предусматривает ответственность за подделку подписного листа или подписей, «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Уголовно наказуемой сейчас признается подделка подписного листа (подписей) лишь при условии ее отягощения одним из признаков, указанных в ч. 2 ст. 142 (в составе группы лиц, путем подкупа и т. д.). Обособление подделки подписей и подписных листов от подделки иных избирательных документов вряд ли обоснованно. Эта нелогичность приводит к тому, что при отсутствии «довеска» в виде группы лиц, подкупа и т. д. подделка подписей или подписного листа может одновременно подпадать под действие ч. 1 ст. 142 УК (фальсификация избирательных документов) и ст. 5.46 КоАП.

Примеров подобных наложений признаков избирательных преступлений и административных правонарушений, к сожалению, немало. Многие из коллизий уже достаточно подробно описаны в литературе¹¹⁶. Один из злободневнейших вопросов этого рода – разграничение криминального и административно наказуемого подкупа избирателей или участников референдума. Данное деяние предусмотрено п. «а» ч. 2 ст. 141 УК и ст. 5.16 КоАП. Правда, в ст. 5.16 подкуп описан с использованием негативного признака «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Поэтому с формальной точки зрения при подкупе избирателей приоритет в применении должен иметь уголовный закон. И лишь при наличии препятствий в его применении (например, в случае малозначительности подкупа – ч. 2 ст. 14 УК) содеянное будет оцениваться по ст. 5.16 КоАП. Однако такой «рецепт» решения проблемы, привлекательный теоретически, крайне сложен в практической реализации. Категория малозначительности (ч. 2 ст. 14) по сути дела игнорируется практикой, что уже отмечалось

¹¹⁶ Орлов Д. В. Дефекты института юридической ответственности за избирательные правонарушения: проблемы законодательства и судебной практики // Российский судья. 2006. № 12. С. 45–49.

в настоящей работе. При формальной констатации всех признаков состава преступления вопрос об опасности содеянного в принципе не обсуждается – возбуждается уголовное дело, затем оно направляется в суд и выносится обвинительный приговор (единичные примеры обратного лишь подтверждают сложившийся подход). Поэтому оговорка «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния» в ст. 5.16 КоАП проблему разграничения подкупа-преступления и подкупа-проступка не решает. Решать такую проблему, как правильно отмечается в литературе, следует на законодательном уровне – в процессе межотраслевой дифференциации ответственности, четко конкретизируя в тексте УК и КоАП разграничительные признаки смежных деяний¹¹⁷.

Второй уровень системного подхода к построению состава – учет в процессе изготовления (или реконструкции) состава его системных связей с иными предписаниями уголовного права, т. е. внутриотраслевых связей. В первую очередь это касается взаимодействия состава с Общей частью. Как известно, ряд общих признаков всех составов «вынесен за скобки», т. е. обрисован в Общей части УК РФ (субъект преступления, формы и виды вины и др.). Этот весьма техничный прием позволяет значительно разгрузить Особенную часть. Но и его использование сегодня не отличается безупречностью. Так, давно и справедливо критикуется регламентация видов вины в ст. 25, 26 УК лишь применительно к материальным составам. Следовательно, *установление вины в формальных составах* (а их, по нашим подсчетам, более половины) *происходит по аналогии*.

Здесь же – в плоскости второго уровня – лежит, на наш взгляд, еще один аспект системного подхода к конструированию состава преступления. Его можно сформулировать в виде правила: законодатель должен стремиться к «*изоморфизму*» (одинаковости структур) при конструировании составов сходных преступлений. Под изоморфизмом в точных науках понимается такое соответствие элементов двух различных систем, при котором каждому элементу первой системы соответствует лишь один эле-

¹¹⁷ Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 79.

мент второй и каждой связи в одной системе соответствует связь в другой. На использовании свойств изоморфизма базируется, как известно, метод кибернетического моделирования. Полагаем, что *изоморфизм можно и нужно с пользой для дела применять в технике конструирования составов*. Это означает, что, по общему правилу, при однопорядковости общественно опасных деяний должны совпадать конструкции их составов.

В УК РФ есть неоправданные, на наш взгляд, отступления от этого требования. Например, состав разбоя сегодня явно «выпадает» из группы хищений. Он имеет формальную законодательную конструкцию. Составы же хищений сконструированы материально (примечание 1 к ст. 158). Объяснением такой конструкции состава разбоя, помимо исторической традиции, служит общественная опасность самого факта нападения. Но последний аргумент с еще большим успехом можно применить и к более тяжким преступлениям, имеющим, однако, материальную конструкцию состава (например, убийствам). Следствием же этой бессистемности в применении типа законодательной конструкции состава является размытость общественной опасности в рамках типовых санкций ст. 162 УК. Сегодня санкции частей 1–4 этой статьи предусматривают ответственность как за фактически оконченные разбойные нападения, так и за неудавшиеся. Очевидно, что вредоносность последних значительно меньше в сравнении с первыми. Поэтому логичнее состав разбоя было сконструировать по типу материального. Тем самым нерезультативные нападения (например, завершившиеся задержанием на месте преступления) получили бы более точную уголовно-правовую оценку (со ссылкой на ст. 30 УК) и, как следствие, более точные пределы наказуемости.

Изоморфизм должен быть присущ также процессу построения квалифицированных составов: для усиления ответственности за сходные преступления логично использовать устойчивые сочетания квалифицирующих признаков (их «блоки»)¹¹⁸. Примеров обратного в УК РФ, несмотря на положительную тенденцию

¹¹⁸ См. об этом: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 122–128.

в этом плане, еще немало. Скажем, не ясно, почему наказание за нарушение авторских и смежных прав (ст. 146) усиливает признак «служебное положение», а в ст. 147 УК (регламентирующей родственное преступление – нарушение изобретательских и патентных прав) он отсутствует? Напротив, удачным образцом, на наш взгляд, является системное использование признаков «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» в п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 158 УК, ч. 2 и ч. 4 ст. 159, ч. 2 и ч. 4 ст. 160, п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 4 ст. 161 УК.

Третий уровень применения требования системности – это учет в ходе построения состава системных свойств самого этого состава. Состав преступления является целостным системным образованием, ибо отвечает всем признакам системы – состоит из элементов, объединенных в структуру. Данное обстоятельство диктует необходимость описания признаков преступления по известной схеме, включающей четыре элемента: объект – объективная сторона – субъект – субъективная сторона. При этом законодатель должен последовательно рассматривать признаки указанных частей (деяние, последствие и т. д.) на предмет их включения в создаваемый состав. В результате такой системный подход выступает одним из средств обеспечения полноты уголовно-правового регулирования. О нарушении правила системности на этом уровне уже говорилось при рассмотрении «переборов» и «недоборов» в законодательных конструкциях отдельных составов.

В «инженерии» (конструировании) состава преступления велика роль логических средств, приемов и правил. Логические законы и правила необходимо учитывать при согласовании признаков основного состава с признаками квалифицированных составов преступления. Это естественное техническое требование сплошь и рядом нарушается. Например, введенная в УК в 2010 г. ст. 185⁵ закрепляет основной (ч. 1) и квалифицированный (ч. 2) составы. Квалифицированный описан следующим образом: «... те же деяния, если они были совершены путем принуждения акционера общества, участника общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, члена совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества к голосованию

определенным образом или отказу от голосования, соединенных с шантажом, а равно с угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества». Редакция небезупречна по ряду оснований. Но именно с позиции логики обращает на себя внимание тот факт, что усиливает наказание за данное преступление лишь *угроза* применения насилия или уничтожения (повреждения) имущества. Если же субъект преступления применил насилие или уничтожил имущество, а равно повредил его, без каких-либо предварительных угроз, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 185⁵. Угроза же совершения подобных действий влечет ответственность по ч. 2 ст. 185⁵. Данное недоразумение вызвано недостаточным вниманием авторов рассматриваемой статьи (конструкторов состава) к «логическому блоку» законодательной техники.

С позиции логики небесспорным представляется разделение однородного состава преступления и его закрепление в двух частях в ст. 142 УК. В ч. 1 данной статьи содержится состав фальсификации избирательных документов, а в ч. 2 – состав подделки подписей избирателей или участников референдума либо заверения заведомо подделанных подписей (подписных листов). Второй состав (ч. 2) включает в качестве конструктивных признаков: группу лиц по предварительному сговору, организованную группу, подкуп, принуждение, применение насилия или угрозу его применения, уничтожение имущества или угрозу его уничтожения, существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства. По мысли законодателя при отсутствии данных конструктивных признаков фальсификация подписного листа должна преследоваться в административно-правовом порядке (ст. 5.46 КоАП РФ).

Но такое законодательное решение вряд ли обоснованно. Согласно избирательному законодательству (например, Федеральному закону от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ»), подписной лист – это один из избирательных документов, наряду с избирательными бюллетенями, списками избирателей, протоколами избирательных комиссий, комиссий референдума и т. д. По-

этому с позиции объективной стороны деяния, указанные в ч. 2 ст. 142 УК РФ, охватываются ч. 1 той же статьи. Иными словами, по объективным признакам ч. 2 ст. 142 есть частный случай ч. 1 ст. 142, на что справедливо обращают внимание А. С. Михлин и В. А. Казакова¹¹⁹.

Может быть, в данной ситуации специализация ч. 2 оправданна с позиции наказуемости деяний? Отнюдь нет. Санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 142 сопоставимы по строгости (их максимум составляет соответственно 4 и 3 года лишения свободы). Отметим лишь, что данные составы отличаются по субъекту преступления. В составе, предусмотренном ч. 1 ст. 142, он специальный, а в ч. 2 – общий. Однако скорректировать ч. 1 в этом плане не представляет труда. Поэтому с позиции логики и системы есть резон, на наш взгляд, в кардинальной перестройке ч. 2 ст. 142. Вместо состава фальсификации подписей и подписных листов в диспозиции ч. 2 целесообразно закрепить квалифицирующие признаки общего деяния, отраженного в ч. 1 этой же статьи (с соответствующим усилением санкции ч. 2). Подделка подписей и подписных листов будет охватываться составом фальсификации избирательных документов. Реализация данного предложения предполагает корректировку субъекта в ч. 1 ст. 141 путем указания на иных лиц (тем более что специфика «избирательной» фальсификации заключается в особом качестве ее предмета, а не субъекта).

В ч. 1 ст. 209 УК целью создания банды названо нападение на граждан или организации. На наш взгляд, и это предписание логически не безупречно, поскольку круг преступлений, совершаемых бандой, не ограничивается одними только нападениями – это и вымогательства, и применение опасного насилия без нападения, и т. д. То есть правотворец не проработал содержание элемента «цель», включая его в состав бандализма. Недостаточно продумано, по нашему мнению, содержание цели и в ст. 317 УК – в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего *по охране общественного порядка и обе-*

¹¹⁹ Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 347.

спечению общественной безопасности. Ясно, что служебная деятельность указанных лиц не всегда связана с общественной безопасностью или порядком, а в целом касается порядка управления (родовой объект гл. 32 УК). Поэтому более логично и системно (в призме системной взаимосвязи родового и видового объектов) широкое изложение цели в ч. 1 ст. 317 УК – «в целях воспрепятствования служебной деятельности» (как в ст. 320 УК).

Еще одним дефектом текущего уголовно-правового регулирования является, по нашему мнению, одновременное существование в УК двух статей – ст. 285¹ и 285² УК РФ. Во-первых, их санкции полностью совпадают. То есть установление в данном случае двух правовых норм (с разными составами преступлений) не решает задачи дифференциации ответственности, что оправдывало бы их автономное существование. Во-вторых, рассматриваемые деяния имеют единую юридическую природу. Так же, как, например, имеют единую природу уклонение от уплаты *налогов* и уклонение от уплаты *сборов*, что послужило достаточным основанием их конструирования в рамках одного состава преступления (ст. 198, 199 УК). Исходя из изложенного закономерно прийти к выводу о том, что в настоящее время нет смысла в выделении в уголовном законе двух статей о нецелевом использовании средств. Налицо нарушение баланса между дифференциацией и унификацией в уголовно-правовом регулировании¹²⁰, восстановление которого видится нам в объединении норм в одну статью (ст. 285¹). К такому же вполне закономерному, по нашему мнению, выводу пришел и ряд других исследователей¹²¹. Соответственно, ст. 285² логично исключить из уголовного закона.

¹²⁰ О необходимости соблюдения равновесия между унификацией и дифференциацией в уголовном правотворчестве см. подробнее: Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. СПб., 2008.

¹²¹ См.: Ремизов М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы (гл. 30 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 19; Изосимов С. В., Карпов А. Г. Нецелевое использование бюджетных

Нами рассмотрены лишь отдельные проблемы конструирования состава преступления. Очевидно, что дальнейшее изучение этих вопросов открывает значительные возможности для совершенствования уголовного закона.

Контрольные вопросы

1. Какое значение имеет состав преступления в практической деятельности?

3. Какова роль состава преступления в квалификации преступления?

4. В чем состоит разграничительная функция состава преступления?

5. В чем смысл четкого определения рамок состава преступления с позиции квалификации преступлений?

6. Когда с позиции теории состава преступления частичная реализация субъектом своего умысла будет влиять на квалификацию, а когда – нет?

7. Какие последствия для квалификации имеет разграничение на понятийном уровне преступления и его состава?

8. Какие последствия для квалификации имеет разграничение на понятийном уровне состава преступления и малозначительного деяния?

9. Что является результатом процесса квалификации преступления?

10. Какой типовой алгоритм квалификации с позиции оценки содержания на основании состава преступления предлагается в доктрине?

11. Какие признаки состава преступления, закрепленные в Общей части УК РФ, могут найти свое отражение в квалификации преступления в виде ссылки на статьи УК?

12. Что является базовым средством конструирования состава преступления?

13. Какие требования предъявляются к процессу конструирования состава преступления?

14. Какое значение имеет правильное понимание состава преступления, в том числе его рамок в Особенной части УК, для его конструирования?

15. Что понимается под изоморфизмом в конструировании составов преступлений?

16. Какие недостатки присущи современному процессу конструирования новых составов преступлений и реконструкции существующих?

средств и средств государственных внебюджетных фондов (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Н. Новгород, 2008. С. 189.

17. Для чего признаки состава преступления необходимо согласовывать с положениями иных отраслей законодательства?

18. Какую роль в построении составов преступлений играют логические правила?

19. В каких структурных элементах уголовного закона целесообразно обрисовывать признаки состава преступления?

20. Приведите примеры составов преступлений с «лишними» признаками.

21. Приведите примеры составов преступлений с «недобором» признаков.

Глава III. Деление составов преступлений

§ 1. Формальные, материальные и формально-материальные составы преступлений

Составы преступлений делятся по различным основаниям. Но, пожалуй, самой известной классификацией составов является их подразделение на формальные и материальные. Это деление имеет большое теоретическое и практическое значение, а потому должно быть четким и понятным. Вместе с тем по этому вопросу в науке нет единодушия. Многие споры обусловлены, на наш взгляд, неоднозначной трактовкой делимого понятия (состава преступления) и основания деления.

В предыдущих главах уже изложена авторская позиция относительно анализируемого понятия. С формальной точки зрения мы «привязываем» рамки состава в Особенной части УК к статье, неделимой на части (ст. 110 и т. п.), либо к части статьи (ч. 2 ст. 105 УК и т. п.). Именно там, на наш взгляд, указано *определённое* преступление. Согласно же общепринятому подходу, материальный или формальный тип состава определяется в зависимости от того, «включается последствие в состав преступления или остается за его рамками»¹²². Иными словами, в материальных составах последствия обязательны, а в формальных – нет. Однако обрисовка *определённого* преступления может включать его разновидности, одни из которых влекут последствия, а другие – нет. К примеру, одна разновидность состава мошенничества (хищение) описана материально, а другая (приобретение права на чужое имущество) – формально. Поэтому по существу законодательную конструкцию состава мошенничества можно охарактеризовать как *формально-материальную*. Формально-материальную конструкцию имеют также деяния, описанные в ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 206, ч. 3 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ч. 1 ст. 220, ч. 1 ст. 258 УК и т. п. (всего же такого рода составов в УК РФ более 10%).

¹²² Михлин А. С. Последствия преступления. М., 1969. С. 28.

В то же время очевидно, что классический критерий (обозначенный выше) имеет следствием дихотомическое деление, т. е. позволяет выделить только формальные и материальные составы преступлений. Формально-материальные составы *по этому критерию* следует причислять к формальным конструкциям, поскольку в них последствия играют роль факультативного признака. Ясно, однако, что это механистический подход, не позволяющий обособить группу формально-материальных по сути составов, отличающихся очевидным своеобразием. И это обстоятельство волей-неволей наводит на мысль об уточнении критерия деления. Вполне приемлем, как представляется, следующий: *функциональная роль последствий в составе*. Так, в формальном составе последствия находятся за его рамками, не играя в нем никакой роли, в материальных составах выступают обязательным признаком и, наконец, имеют факультативное значение в формально-материальных.

Заметим, что при обозначении критерия анализируемого деления составов преступлений используется термин «преступные последствия», к сожалению страдающий полисемией. Этот факт в какой-то мере объясняет позицию ряда ученых, выступивших против деления составов на формальные и материальные и утверждающих, что все составы являются материальными¹²³. Их позицию, по сути дела, разделяют и те, кто усматривает разницу между материальными и формальными составами в том, что последствия первых обладают «четко определенным правовым содержанием» (закон их указывает), а последствия вторых «четкого правового выражения не имеют», так как их наступление «неразрывно связано с совершением общественно опасного деяния»¹²⁴.

¹²³ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. С. 139–140; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 23; Ее же. Классификация преступлений в Общей части Уголовного Кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 23; Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 29–58.

¹²⁴ Уголовное право России. Часть Общая: учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. С. 159–160 (автор главы – В. Д. Филимонов).

В основе такого подхода лежит широкая трактовка преступных последствий. Любое преступление общественно опасно, а значит оно всегда причиняет вред, поскольку разрушает регулятивное правоотношение – объект уголовно-правовой охраны. Уничтожение (разрыв) регулятивного отношения (дестабилизация общественных отношений, как иногда говорят) и есть преступное последствие в широком смысле. Но в основу деления составов на материальные и формальные криминалистами кладется узкое понимание преступных последствий. В узком смысле преступные последствия – это последствия, описанные в уголовном законе (т. е. «нормативные последствия», ведь состав в целом и есть нормативное построение). При этом данная трактовка традиционна и общепризнана в доктрине уголовного права. «Вред, причиненный объекту посягательства, и общественно опасные последствия, предусмотренные статьей Особенной части УК, являются понятиями вполне самостоятельными»¹²⁵. Отсюда критика данного деления, основанная на широкой трактовке последствий, логически не безупречна.

Нередко такая критика строится не на доказывании присущих каждому преступлению последствий в широком смысле, а на обосновании факта причинения любым преступлением реальных последствий (либо создания угрозы их причинения). Последствия, согласно этому мнению, есть всегда, но их трудно точно зафиксировать, так как они носят моральный или политический характер либо слишком разнообразны и отделены от самого деяния¹²⁶. Ю. И. Ляпунов пишет по этому поводу: «Беспоследственных преступлений в окружающем нас мире вообще не бывает. Конечно, и преступления с формальным составом в социальном плане влекут за собой серьезные вредные последствия, которые ввиду сложности их точного установления и жесткой фиксации в процессуальных документах презюмируются законодателем при

¹²⁵ Чанышев Д. А. Проблемы классификации составов преступлений по конструкции объективной стороны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. С. 146.

¹²⁶ См.: Кригер Г. А. Определение форм вины // Сов. юстиция. 1979. № 20. С. 5.

конструировании того или иного формального состава преступления. Возьмем, например, классический формальный состав "получение взятки", предусмотренный ст. 290 УК РФ, в диспозиции которой нет никаких указаний на последствия. Но есть ли они фактически в реальной социальной действительности? Конечно, они наступают в подобных криминальных случаях»¹²⁷. В преступлении с формальным составом, отмечает Р. Д. Шарапов, «последствие существует», «определяется путем логического толкования диспозиции статьи», а «для констатации его наличия в конкретном случае достаточно установить сам факт совершения оконченного преступления»¹²⁸.

А раз последствия всегда наступают, значит все составы в понимании авторов цитат и их сторонников являются материальными. С приведенной посылкой (в отличие от вывода) трудно спорить. И в самом деле, законодатель признает преступлениями не некие безвредные явления, а деяния, порождающие негативные последствия. Разве можно отрицать этот очевидный факт? Иначе была бы неоправданна криминализация данных деяний. Но, говоря о составах преступлений, мы обращаемся не к жизненным явлениям, а к *уголовному закону*, в котором эти составы описаны. И здесь становится ясно, что любое криминализируемое явление законодатель волен выразить в законе как с описанием его вреда, так и без такового. При этом последствия могут быть столь неопределенными или автоматически следовать за деянием, либо, напротив, отдалены от него и т. д., что возникает закономерный вопрос: не лучше ли обойтись без их фиксации в уголовном законе? Так и «рождаются» в УК формальные составы, отражающие вовсе не беспоследственные поступки людей.

Сомнения в наличии формальных составов отпадают при непосредственном ознакомлении с уголовным законом. Многие преступления (например, простое похищение человека и полу-

¹²⁷ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 103 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

¹²⁸ См.: Шарапов Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? // Уголовное право. 2000. № 3. С. 53.

чение взятки) обрисованы в законе без указания последствий, а многие другие (например, убийство и халатность) – с таким указанием. То же получение взятки – деяние крайне опасное, безусловно подрывающее авторитет государственной власти (отнюдь не беспоследственное в этом смысле слова), но основной и квалифицированные составы этого преступления описаны в УК (ст. 290) без указания последствий. Отрицать этот факт, а значит, и факт существования формальных составов вряд ли правомерно.

Вряд ли правильно делать это, ссылаясь на неудачность их наименования. Мы солидарны с Л. Л. Кругликовым, призывающим отвлечься от упреков чисто терминологического характера (насколько удачно обозначение: формальный состав и т. д.), сосредоточив внимание на сути проблемы¹²⁹. Тем более что данная – устоявшаяся – терминология, несмотря на некоторую ее условность, всем понятна (и ученым, и практикам).

Нередко в рамках этой классификации выделяют усеченные составы и составы создания опасности. Существование «усеченных составов» также иногда отрицается, ведь состав, как писал А. Н. Трайнин, всегда полон¹³⁰. Но и здесь мишенью критики является терминология, а не объективно существующие в уголовном законе виды составов. Думается, что *в зависимости от момента окончания преступления* выделение данного вида состава вполне обоснованно. В усеченном составе этот момент переносится законодателем на более раннюю стадию в сравнении с «жизнью». Таковы, например, составы, предусмотренные ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 209 УК. В жизни разбой считается *фактически оконченным*, когда субъект изъял у потерпевшего имущество и скрылся. Но законодатель признал его *юридически оконченным* уже в момент самого нападения с применением опасного насилия или угрозой его применения.

В рамках же деления по обозначенному критерию (функциональная роль последствий в составе) «усеченный» состав, как

¹²⁹ См.: Кругликов Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1996. С. 8.

¹³⁰ См.: Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 235.

правильно отмечается в литературе, «принципиально не отличается от формального состава преступления и может трактоваться лишь как его разновидность»¹³¹. Действительно, последствия не фигурируют в конструкции этого состава ни как обязательный, ни как факультативный признак.

Немало разногласий вызывают составы создания опасности. Пример такого состава дает нам ч. 1 ст. 215 УК: нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики, *если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды*. Одни авторы считают их материальными, другие – формальными, третьи – особым видом составов. И здесь добрая половина всех споров – следствие неопределенности в критерии данного деления и понятии преступных последствий. Если за основу деления брать момент окончания преступления, то составы создания опасности, вне всякого сомнения, самостоятельный вид составов. Если же в качестве критерия использовать предложенное нами основание (функциональная роль последствий в составе), то напрашивается иной вывод. При этом возможно последствия в узком смысле (описанные в уголовном законе) трактовать, в свою очередь, узко, т. е. как реальный вред. С этой позиции опасность наступления вреда нельзя признать последствием. Думается, однако, что рассуждать нужно иначе. Возможность наступления последствий влечет, как отмечает В. Н. Кудрявцев, изменения во внешнем мире¹³². Эта возможность – *объективно существующее явление*, причиной которого является совершение деяния, т. е. это последствие данного деяния. И в этом смысле такая возможность – тоже последствие преступления, при этом

¹³¹ Тенчов Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 6; Аналогичный вывод см. также: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Изд. испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 99 (автор главы об уголовной ответственности и составе преступления – С. М. Кочои).

¹³² См.: Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 172.

предусмотренное законом. То есть, принимая во внимание нормативную природу состава, важно подчеркнуть, что законодатель в составах создания опасности закрепляет последствие. Значит, уголовному закону известны *два типа преступных последствий* – *реальные* (смерть человека, тяжкие последствия и т. п.) и *возможные* (опасность наступления смерти человека или тяжких последствий и т. п.). Поскольку последствия – обязательный элемент деликта создания опасности, значит состав последнего является материальным.

Этот вывод немаловажен для решения еще одной проблемы. В уголовном законе встречаются составы преступления, одна разновидность которого причиняет вред, а другая создает опасность этого. Примером может служить основной состав нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах (ч. 1 ст. 217 УК): нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах или во взрывоопасных цехах, если это *могло повлечь* смерть человека либо *повлекло* причинение крупного ущерба. В ч. 1 ст. 340 УК также говорится о нарушении, которое *повлекло* или *могло повлечь* причинение вреда. Основной состав умышленного причинения вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК) имеет аналогичную, как представляется, конструкцию, включая как возможные, так и реальные последствия (вред, опасный для жизни, и вред, относящийся к тяжкому по причине потери зрения, речи, слуха и наступления иных реальных последствий). Изложенное позволяет причислить данные составы к материальным, а не формально-материальным.

Обратим внимание, что многие авторы вообще не упоминают о составах создания опасности. Те же, кто выделяет данный вид, нередко весьма узко очерчивают их круг в УК РФ. Так, Ю. И. Ляпунов усматривает «в системе Особенной части УК их только два (*по его терминологии, «деликта поставления в опасность» – А. И.*) – терроризм (ст. 205) и сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей (ст. 237)»¹³³. Но их перечень шире (например, ч. 1 ст. 215 УК).

¹³³ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 103 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

Еще раз акцентируем внимание на том, что выше определено место составов создания опасности в *рассматриваемой классификации*, т. е. среди материальных, формальных и формально-материальных составов. Наиболее же полно раскрывает природу этого состава, как уже отмечалось, другая классификация составов – по моменту окончания преступления.

Изложенная классификация составов преступлений важна в практическом плане, поскольку позволяет определить значение последствий, названных в уголовном законе при обрисовке состава, для квалификации содеянного. Применительно к преступлениям с формальным составом последствия не важны для квалификации (но подлежат учету при назначении наказания). Преступление с материальным составом может быть оценено как оконченное (и соответствующее всем признакам состава, названным в Особенной части УК) с момента наступления общественно опасных последствий, находящихся в причинной связи с общественно опасным деянием. При оценке содеянного через призму формально-материальных составов следует иметь в виду, что последствия не обязательный, а факультативный их признак. То есть они присущи лишь одной разновидности преступлений, предусмотренных этим составом. Например, для вменения ч. 1 ст. 171 УК (основной состав незаконного предпринимательства) достаточно установить, помимо всего прочего, что содеянное соответствует признаку извлечения дохода в крупном размере. Если же лицом не извлечен доход, соответствующий крупному, то квалификация по ч. 1 ст. 171 УК возможна лишь при констатации крупного ущерба.

§ 2. Простые и сложные составы преступлений

Критерий выделения данных видов составов – конструкция (структура) состава¹³⁴. В некоторых источниках по этому же основанию выделяется три вида составов: 1) простой; 2) слож-

¹³⁴ Науке известны и иные критерии выделения простых и сложных составов. Например, В. С. Комиссаров считает основанием их выделения «характер описания состава преступления в диспозиции нормы» (см.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. С. 51).

ный; 3) альтернативный¹³⁵. Однако такой подход спорен, поскольку альтернативный состав (или состав с альтернативными признаками) отвечает всем параметрам сложного состава.

Простой состав – это состав с простой конструкцией, его структура не усложнена множественностью хотя бы одного признака, относящегося к любому элементу состава. Сложный состав – это состав, хотя бы один признак которого является множественным, включая состав с альтернативными признаками. Множественность мы понимаем не как указание множественного числа того или иного слова при описании состава, а как перечисление в законе не менее двух одноименных признаков преступления.

Простым, например, является основной состав убийства (ч. 1 ст. 105 УК). Квалифицированный состав убийства (ч. 2 ст. 105), напротив, является сложным, поскольку включает множественные мотивы (хулиганский, корыстный и др.), цели, способы (с особой жестокостью, общеопасным способом и др.) и т. д. Львиная доля составов относится к числу сложных. Даже простые на первый взгляд составы при ближайшем рассмотрении оказываются сложными. Так, нередко к числу простых относят основной состав кражи (ч. 1 ст. 158 УК)¹³⁶. Кража, как известно, есть тайное хищение чужого имущества. Все будто бы просто. Но не просто определено хищение – это совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества *в пользу виновного или других лиц*, причинившие ущерб *собственнику или иному владельцу этого имущества* (примечание 1 к ст. 158 УК). Если даже согласиться с тем, что по духу УК кража предполагает как изъятие, так и обращение, то альтернативность «выгодоприобретателей» этих деяний вкупе с альтернативностью потерпевших (собственник, иной законный владелец) все равно позволяет оценить основной состав кражи (как и состав любого иного хищения) в качестве сложного.

¹³⁵ См.: Борбат А. В., Завидов Б. Д., Ендольцева А. В., Милевский А. И. Состав преступления как основание уголовной ответственности. Материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс», 2005.

¹³⁶ Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. С. 152.

Обратим внимание, что простота или сложность структуры состава преступления определяется сложностью *любого его признака*. С учетом этого мы не разделяем позицию О. Ф. Шишова по вопросу о понятии простого и сложного составов преступлений. «Простой состав, – отмечает ученый, – содержит описание признаков одного конкретного деяния, не усложненного ни по одному из его элементов, поскольку норма, в которой описаны признаки данного состава, имеет своей задачей охрану какого-то определенного общественного отношения. Например, норма ст. 158 УК РФ ставит перед собой задачу: защита собственности от такого преступного посягательства, как кража. Она относится к разряду однообъективных преступлений. Однако отдельные уголовно-правовые нормы направлены одновременно на защиту нескольких объектов от преступных посягательств. Составы тех преступлений, которые посягают сразу на несколько объектов, в теории уголовного права именуют сложными составами. К их числу относится, например, разбой (ст. 162 УК РФ), который одновременно посягает и на собственность, и на личность и относится к двуобъектным преступлениям»¹³⁷.

По сути, критерий выделения простого и сложного составов сведен автором к *объекту преступления* (его простоте или многомерности). Но очевидно, что конструкция состава может быть усложнена не только за счет удвоения объекта преступления (или даже за счет указания трех и более дополнительных объектов), но и иным образом, отмеченным выше. Пример с кражей, на наш взгляд, также нельзя признать удачным (основной, а тем более квалифицированные составы кражи, как мы уже отмечали, являются сложными).

По этой же причине мы не согласны и с тем, что «сложные составы преступлений – это составы с двумя действиями, с двумя формами вины и двумя объектами»¹³⁸ (даже с учетом того, что автор цитаты считает недопустимым выделять альтернативные

¹³⁷ Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. С. 152 (автор главы – О. Ф. Шишов).

¹³⁸ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. С. 269 (автор главы о составе преступления – В. С. Прохоров).

составы и говорит об «альтернативных диспозициях», содержащих ряд самостоятельных составов¹³⁹). Например, квалифицированный состав воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (ч. 2 ст. 144 УК) включает два способа «на правах» *обязательных* признаков: 1) «путем принуждения журналистов к распространению либо к отказу от распространения информации» (ч. 1); 2) «совершенное лицом с использованием своего служебного положения» (ч. 2). Для вменения квалифицированного состава, таким образом, нужно установить «удвоенное» способа совершения преступления.

Ю. И. Ляпунов к числу сложных составов относит: а) сложносочлененные составы преступлений, которые по своей законодательной технике составляют нормативные образования типа «состав в составе» или объединения двух составов в один квалифицированный состав (например, квалифицированный состав получения взятки (ч. 2 ст. 290), который предусматривает повышенное наказание за «получение должностным лицом взятки за незаконные действия (бездействие)», т. е. чаще всего за злоупотребление должностными полномочиями, либо за преступления, предусмотренные ст. 285.1, 285.2, 286 УК); б) составы с альтернативой преступных действий (например, ст. 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»; каждое из перечисленных действий образует оконченное преступление, но все эти объективные признаки объединены одним составом преступления)¹⁴⁰.

Развивая этот подход, мы полагаем возможным выделить три подвида сложных составов: альтернативные, безальтернативные и смешанные (альтернативно-безальтернативные). Смешанные – это составы с альтернативными признаками и с признаками, которые не являются альтернативными, но характеризуются множе-

¹³⁹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. С. 269 (автор главы о составе преступления – В. С. Прохоров).

¹⁴⁰ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 104 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

ственностью. Например, состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК), является альтернативным, поскольку предусматривает, в частности, тяжкий вред здоровью в виде опасного для жизни на момент причинения либо тяжкого по последствиям (ч. 1 ст. 111) или любой из альтернативных признаков, предусмотренных ч. 2 и ч. 3 ст. 111. При этом он характеризуется безальтернативностью признака вины, поскольку для квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 требуется обязательное наличие как умысла (по отношению к причинению вреда здоровью), так и неосторожности (по отношению к причинению смерти). Получается, в части этот состав является альтернативным, а в части – безальтернативным.

В связи с этим небесспорной представляется трактовка Ю. И. Ляпуновым альтернативного состава, приведенная ранее, поскольку сведена им к множеству альтернативных *деяний*. Недостаточно полным (широким) представляется и утверждение о том, что альтернативный состав характеризуется «несколькими деяниями или последствиями, наличие которых (альтернативно любого) является достаточным, при наличии других обязательных признаков, для наступления уголовной ответственности»¹⁴¹. На наш взгляд, альтернативным может быть практически любой признак состава (кроме, видимо, физического признака и признака вменяемости, характеризующих субъекта преступления). Отсюда альтернативный состав – это состав, включающий не менее двух признаков, одного из которых достаточно для обоснования ответственности (квалификации) по этому составу. Это может быть признак деяния, последствия, способа, предмета, специального субъекта и т. д.

Например, основной и квалифицированные составы вымогательства (ч. 1, ч. 2, ч. 3 ст. 163 УК РФ) принадлежат к числу альтернативных по нескольким причинам. В основном составе (ч. 1 ст. 163) названы три альтернативных предмета вымогательства (чужое имущество, право на имущество и действия имуществен-

¹⁴¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 99 (автор главы об уголовной ответственности и составе преступления – С. М. Кочои).

ного характера) и три способа (угроза применения насилия, угроза уничтожения или повреждения имущества, угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред). В силу альтернативности основного состава квалифицированные составы, производные от него, также альтернативны. Кроме того, конструкция квалифицированного состава вымогательства усложнена еще и альтернативностью самих квалифицирующих признаков, поскольку для вменения ч. 2 ст. 163 УК достаточно соответствия содеянного любому из них: группе лиц по предварительному сговору, применению насилия или крупному размеру. Наконец, особо квалифицированный состав вымогательства (ч. 3 ст. 163 УК), производный от ч. 1 и ч. 2 ст. 163 и только поэтому (много)альтернативный, еще более усложняется и становится «суперальтернативным» в силу дизъюнктивности, присущей его особо квалифицирующим признакам (организованная группа *или* цель получения имущества в особо крупном размере).

Теперь о значении данной классификации. Во-первых, ее знание в целом полезно для правоприменителя, поскольку позволяет глубже уяснить общие и специфические черты состава преступления как эталона квалификации. Во-вторых, важно знание каждого из видов составов в рамках этого деления. В простом и сложном безальтернативном составе все признаки обязательны для привлечения к ответственности по соответствующей статье УК или ее части. В сложном альтернативном и смешанном составах не все признаки обязательны. При этом часть сложных составов находится с другими составами и между собой в состоянии конкуренции. Например, упомянутый состав умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть человека (ч. 4 ст. 111 УК), выступает как целое по отношению к основному и квалифицированным составам неосторожного причинения смерти (ч. 1, ч. 2, ч. 2 ст. 109 УК). То есть в его конструкции последние играют роль части, элемента («состав в составе»). Правило же конкуренции целого и части отдает приоритет первому¹⁴².

¹⁴² См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 226.

Принципиальное практическое значение имеет выделение состава с альтернативными признаками (альтернативного состава). Общеизвестно следующее правило квалификации: для оценки содеянного по такому составу достаточно установления его соответствия хотя бы одному из альтернативных признаков состава¹⁴³. Например, для квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 171 УК необходимо установить, что предпринимательская деятельность осуществлялась: 1) без регистрации, или 2) с нарушением правил регистрации, или 3) с представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения, или 4) без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. Любого из этих признаков достаточно для квалификации содеянного по основному или квалифицированному составу незаконного предпринимательства. В то же время установление нескольких альтернативных признаков одновременно свидетельствует о едином преступлении, а не о совокупности (при соблюдении иных условий, предъявляемых к единичному преступлению). Например, если установлено, что предприниматель при регистрации сообщил заведомо ложные сведения и осуществлял свою деятельность без лицензии (налицо два признака из четырех, указанных в ст. 171 УК), то идеальная совокупность двух этих нарушений будет все равно оценена в рамках одного состава (ч. 1 или ч. 2 ст. 171), т. е. как единое преступление. Основанием же для такой оценки, еще раз отметим, выступает альтернативность основного и квалифицированного составов незаконного предпринимательства.

§ 3. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений

В теории уголовного права критерием выделения основных, квалифицированных и привилегированных составов преступлений считается «степень общественной опасности преступления,

¹⁴³ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права: в VI т. Том II. Преступление. С. 104.

запечатленного в соответствующих составах»¹⁴⁴. То есть критерием выделения указанных видов составов является опасность не самих составов (по причине ее отсутствия в оных), а преступлений, составы которых подвергаются классификации. При этом А. В. Наумов указанный критерий считает основным для классификации составов преступлений¹⁴⁵.

Сразу же заострим внимание на еще одной принципиальной детали, терминологической. Нередко в литературе используется иная лексика для обозначения этих видов составов: основной состав, состав с отягчающими обстоятельствами и состав со смягчающими обстоятельствами¹⁴⁶. Основным же сторонники этой терминологии называют «состав того или иного конкретного преступления без отягчающих или смягчающих обстоятельств»¹⁴⁷. Однако более точной представляется другая терминология для обозначения последних двух видов: квалифицированный состав (состав с квалифицирующими признаками) и привилегированный состав (состав с привилегировающими признаками). Использование терминов «квалифицированный состав», «привилегированный состав» как синонимов терминам «состав с отягчающими обстоятельствами» и «состав со смягчающими обстоятельствами»¹⁴⁸ также представляется неприемлемым. Дело в том, что, несмотря на внешнее сходство, природа отягчающих и смягчающих обсто-

¹⁴⁴ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. С. 267 (автор главы о составе преступления – В. С. Прохоров).

¹⁴⁵ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 140.

¹⁴⁶ См., например: Борбат А. В., Завидов Б. Д., Ендольцева А. В., Милевский А. И. Состав преступления как основание уголовной ответственности. Материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс», 2005.

¹⁴⁷ Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. С. 151 (автор главы о составе преступления – О. Ф. Шишов).

¹⁴⁸ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. С. 98 (автор главы об уголовной ответственности и составе преступления – С. М. Кочои).

ятельств, с одной стороны, и квалифицирующих и привилегирующих признаков, с другой стороны, различается. Первые играют роль средства индивидуализации ответственности, учитываются судом при назначении наказания и названы в Общей части УК (ст. 61, 63). Вторые – средство дифференциации ответственности – учитываются законодателем при конструировании составов преступлений и закрепляются в статьях Особенной части УК¹⁴⁹. Поэтому необходимо учитывать эти различия первых и вторых обстоятельств, в том числе при выборе терминологии для наименования признаков составов и самих составов.

Итак, основной состав включает признаки преступления, обладающего усредненной степенью общественной опасности (в сравнении с другими разновидностями этого же вида преступления). Квалифицированный состав является набором признаков преступления с повышенной общественной опасностью. «Квалифицированный состав всегда отражает резкие колебания, существенные отклонения в степени общественной опасности поведения, что и обуславливает необходимость изменения законодательной оценки, установления новых пределов выбора наказания», – отмечает Л. Л. Кругликов¹⁵⁰. Привилегированный состав – это состав преступления с пониженной общественной опасностью. Повышенная или пониженная степень опасности определяется в сравнении с основным составом. Заметим, что мерой опасности вступает санкция статьи Особенной части. Отсюда ясно, что наказание за преступление с основным составом

¹⁴⁹ Подробнее о различиях квалифицирующих (привилегирующих) признаков и отягчающих (смягчающих) обстоятельств см.: Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж, 1985. С. 56–63; Кругликов Л. Л., Савинов В. Н. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений. Ярославль, 1989. С. 34–42; Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль, 1993. С. 45–53.

¹⁵⁰ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 96

ниже, чем за преступление с квалифицированным составом, но выше, чем за преступление с привилегированным составом.

Данная классификация охватывает не все составы преступлений, известные УК РФ. Если какое-либо преступление имеет лишь один состав, т. е. законодатель не сконструировал квалифицированный или привилегированный состав, то представляется, что подобный состав не может быть назван основным. Таковы, например, составы доведения до самоубийства (ст. 110 УК), оставления в опасности (ст. 125 УК), отказа в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК). Основным составом может считаться лишь по отношению к квалифицированному или привилегированному составам. То есть *это относительная классификация*.

Высказано, впрочем, и противоположное мнение: состав, описанный в статьях, не имеющих деления на части (ст. 125, 196 и т. п.), должен признаваться основным¹⁵¹. Но с ним трудно согласиться, поскольку, еще раз подчеркнем, эти виды составов проявляют свои свойства лишь в сравнении друг с другом. При отсутствии объекта сравнения исчезает основание их выделения. Так же как, например, норма права не может быть общей в принципе. Общей норма может быть лишь при наличии специальной нормы. Это парные виды норм, не существующие одна без другой.

По общему правилу, основной состав описан в части первой статьи Особенной части УК, квалифицированный – в части второй и последующих частях статьи Особенной части УК, а привилегированный – в самостоятельной статье или ее части. Например, основной состав убийства закреплен в ч. 1 ст. 105 УК РФ, квалифицированный состав убийства – в ч. 2 ст. 105. Привилегированных составов убийства в УК РФ насчитывается пять: ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108.

Квалифицированные составы объединяют составы с разной «степенью квалифицированности» (то есть влекущие различные наказания по мере увеличения их репрессивности). «Пальму пер-

¹⁵¹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева (автор главы об уголовной ответственности и составе преступления – С. М. Кочои); Борбат А. В., Завидов Б. Д., Ендольцева А. В., Милевский А. И. Состав преступления как основание уголовной ответственности.

венства» в этом плане удерживает ст. 264 УК, которая насчитывает пять квалифицированных составов (ч. 2, 3, 4, 5, 6). Квалифицированный состав преступления «1 степени» зачастую так и именуют – «квалифицированный» (ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 158 и т. п.), «2 степени» – «особо квалифицированный» (ч. 3 ст. 111, ч. 3 ст. 158 и т. п.), «3 степени» – «особо особо квалифицированный» или «суперквалифицированный» (ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 158 и т. п.). Для «5 степени» и «6 степени» в доктрине пока нет устоявшихся названий. Ясно, что чем выше степень, тем суровее наказание по санкции статьи.

Кстати, привилегированные составы также могут иметь свою «степень привилегированности». В ст. 107 УК ответственность за убийство в состоянии аффекта дифференцирована путем конструирования отдельного состава для убийства двух и более лиц (ч. 2 ст. 107). Последний вид состава также является привилегированным, поскольку в рамках этой классификации «точкой отсчета» является основной состав убийства. В сравнении с санкцией за основной состав убийства санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 107 являются заметно менее репрессивными.

Ранее мы указали, что обрисовка основного состава в части первой статьи, а квалифицированного – в части второй выступает общим правилом. Из этого правила имеются исключения, которых, кстати, достаточно много в УК РФ (даже неоправданно много для исключений). Например, в ст. 204 (коммерческий подкуп) ч. 1 и ч. 3 содержат основные составы, а ч. 2 и ч. 4, соответственно, – квалифицированные.

В ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве), разделенной на три части, и вовсе содержится *три самостоятельных состава преступления*: сокрытие имущества, имущественных прав, сведений об имуществе и т. д. (ч. 1); неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника... (ч. 2); незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего, в том числе уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему документов, необходимых для исполнения возложенных на него обязанностей, и т. д. (ч. 3).

Иными словами, закрепление состава преступления в ч. 2 и последующих частях статьи Особенной части УК еще не дает повода считать его квалифицированным. Он вполне может оказаться автономным составом (не имеющим отношения к рассматриваемой классификации) или основным.

Привилегированных составов в УК РФ не очень много, а именно восемь. Они предусмотрены ст. 106, ч. 1 ст. 107, ч. 2 ст. 107, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108, ст. 113, ч. 1 ст. 114, ч. 2 ст. 114.

Квалифицированных составов в УК несоизмеримо больше. Наиболее часто в качестве квалифицирующих признаков законодатель указывает совершение преступления: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, с использованием служебного положения, с применением насилия или с угрозой его применения, в отношении двух и более лиц; с причинением тяжких последствий, тяжкого вреда здоровью, с причинением ущерба в крупном или особо крупном размере (характеристика деяния, показывающая его «размах») и некоторые другие. Общее число различных квалифицирующих обстоятельств, используемых законодателем в УК РФ, превышает 110¹⁵². Л. Л. Кругликов, на протяжении длительного периода исследующий квалифицирующие признаки, отмечает, что «в последние годы наблюдается четкая тенденция к возрастанию численности и квалифицированных составов (их число приближается к 280), и квалифицирующих признаков. Доля составов с двумя и более усиливающими наказуемость признаками достигла 55% (от общей численности квалифицированных составов)»¹⁵³.

Какое значение имеет рассмотренная классификация? По сложившимся правилам квалификации, при наличии в содеянном признаков основного и квалифицированного составов приоритет имеет последний¹⁵⁴. То есть содеянное оценивается по норме с

¹⁵² См.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 79. В приложении к данной работе Л. Л. Кругликовым приведен полный перечень квалифицирующих обстоятельств и показана частота их упоминания в главах УК РФ.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. С. 221.

квалифицированным составом. «Орган дознания (дознаватель), следователь, прокурор, судья или суд, установив в уголовном деле наличие квалифицирующих (особо квалифицирующих и т. д.) обстоятельств, обязан вменить в вину субъекту преступления ту часть статьи Уголовного кодекса, в которой дано описание квалифицированного состава (естественно, с соблюдением всех уголовно-процессуальных требований)»¹⁵⁵.

Но квалифицированные составы одного вида преступления, как уже отмечалось, также могут дробиться. В связи с этим в доктрине обоснованно указано, что «для преодоления конкуренции квалифицированных составов преступления существует собственное правило уголовно-правовой оценки содеянного: *если установленное деяние соответствует нескольким квалифицированным составам преступлений, оно квалифицируется по статье, предусматривающей особо квалифицированный состав*»¹⁵⁶. То есть содеянное оценивается по *наиболее* квалифицированному составу преступления. Это правило нашло отражение в ряде разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда РФ. Так, в п. 17 постановления от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленумом предписано следующее: «В случае совершения кражи, грабежа или разбоя при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных несколькими частями статей 158, 161 или 162 УК РФ, действия виновного при отсутствии реальной совокупности преступлений подлежат квалификации лишь по той части указанных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой предусмотрено более строгое наказание. При этом в описательной части приговора должны быть приведены все квалифицирующие признаки деяния»¹⁵⁷.

¹⁵⁵ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 96.

¹⁵⁶ Благов Е. В. Применение уголовного права (теория и практика). С. 143.

¹⁵⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 06.02.2007 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс». Как видим, и авторам данного разъяснения не удалось избежать терминологической неточности: квалифицирующие признаки названы отягчающими.

Опять-таки по сложившимся правилам квалификации при конкуренции квалифицированного или основного и привилегированного состава предпочтение отдается последнему. Это правило (хотя и в явно неполном виде) отражено, в частности, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»: «По смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных п. п. "а", "г", "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны»¹⁵⁸.

Если конкурируют два привилегированных состава, то логично предположить, что *предпочтение должно отдаваться наиболее привилегированному составу (за преступление с которым предусмотрено наименее строгое наказание)*. Например, при соответствии содеянного признакам, предусмотренным ч. 1 или ч. 2 ст. 107 (аффектированные убийства) и ч. 1 ст. 108 УК (убийство при превышении пределов необходимой обороны), вменяться должна ч. 1 ст. 108 УК как предусматривающая наиболее привилегированный состав (менее строгое наказание – до двух лет лишения свободы, а не до трех и пяти соответственно).

§ 4. Иные классификации составов преступлений

Три классификации составов преступлений, рассмотренные в предыдущих параграфах, разумеется, не исчерпывают возможные деления составов, хотя и являются, на наш взгляд, основными. В монографической и учебной литературе составы преступлений делят и по иным основаниям (критериям деления). Все иные классификации, безусловно, обогащают учение о составе

¹⁵⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

преступления и позволяют более разносторонне исследовать каждый отдельный состав.

Так, А. Н. Трайнин выделял составы общие и специальные. По его мнению, «эти составы по существу однородны, но они охватывают род и виды одних и тех же преступлений»¹⁵⁹. «Практическое значение различения общих и специальных составов заключается в том, что всегда и, безусловно, при наличии двух норм, предусматривающих одна – родовой состав, другая – специальный, видовой состав, квалифицировать преступное действие надлежит не по общей, а по специальной норме. Специальный состав, так сказать, берет верх над родовым. Родовой состав, таким образом, как бы сохраняется в резерве для тех случаев, которые специальными составами не охватываются»¹⁶⁰. В современной теории права это деление составов преступлений охватывается более масштабной классификацией норм права на общие и специальные. Приоритет, действительно, имеет специальная норма, что прямо подчеркнул законодатель в ч. 3 ст. 17 УК РФ.

Л. Л. Кругликов, отдавая дань традиционным классификациям, в качестве основания деления составов на виды предлагает использовать *момент окончания преступления* и вычленяет как минимум шесть видов состава, поскольку: «в одних нормах момент окончания преступления связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия), причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекшими преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приготовительными действиями»¹⁶¹. Это деление имеет большое значение, поскольку позволяет правильно определить момент окончания преступления, а значит, дать правильную оценку содеянному. Только в рамках этой классификации можно вычленить как отдельные виды такие законодательные обра-

¹⁵⁹ Трайнин А. Н. Избранные труды. С. 185.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 71.

зования, как составы создания опасности и усеченные составы. Последние же, отличаясь заметным своеобразием в нормативной обрисовке, обладают несомненной спецификой и в применении.

Н. Ф. Кузнецова по степени конкретизации признаков составов выделяла «составы с конкретными и оценочными признаками». В первом виде составов, – писала она, – все признаки элементов однозначно характеризуют в диспозиции уголовно-правовой нормы степень их общественной опасности, например размер материального вреда в преступлениях против собственности. Однако немало составов преступлений с элементами, степень опасности которых однозначно выразить нельзя. Так, в квалифицированном составе убийства (ч. 2 ст. 105 УК) названы такие способы лишения жизни, как "с особой жестокостью" или "общеопасным способом" ... Такие элементы выражены в диспозиции норм оценочно, составы соответственно именуется составами с оценочными признаками»¹⁶². Представляется, что данная классификация, основанная на использовании законодателем формально-определенной и оценочной лексики при обрисовке составов, может быть уточнена, поскольку многие составы включают как признаки точного значения, так и оценочные признаки – их можно условно обозначить как *формально-оценочные*. В том же квалифицированном составе убийства (ч. 2 ст. 105 УК), который в качестве примера приводит Н. Ф. Кузнецова, далеко не все квалифицирующие признаки носят оценочный характер. Так, п. «а» предусматривает убийство двух и более лиц – формально-определенный признак и т. д. Поэтому в целом этот состав в рамках рассматриваемой классификации можно отнести к числу формально-оценочных.

Ю. И. Ляпунов выделяет восемь классификационных критериев деления составов преступлений: «1) степень обобщения образующих состав элементов и признаков; 2) законодательная конструкция состава; 3) сложность изложения в законе его признаков, отражающих структуру; 4) содержание вины и ее формы; 5) составы типа "состав в составе"; 6) альтернатива изложения

¹⁶² Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. С. 317–318 (Н. Ф. Кузнецова – автор главы о составе преступления).

в законе основных признаков объективной стороны; 7) общие и специальные составы и 8) последний критерий по счету, но отнюдь не последний по своему практическому значению – степень общественной опасности деяния»¹⁶³.

Однако не со всеми из названных критериев можно согласиться. В частности, первый критерий группировки составов преступлений (степень обобщения его элементов и признаков) служит основанием выделения Ю. И. Ляпуновым общего, родового, видового и конкретного состава преступления. «Первые три – это абстракции, последний – реальное событие общественно опасного деяния, полностью соответствующего признакам видового состава преступления, указанным в уголовно-правовых нормах Особенной и Общей частей УК»¹⁶⁴. Очевидно, что собственно составом преступления из выделенных четырех «составов» является только видовой. Именно он в понимании Ю. И. Ляпунова является основанием квалификации, что прямо следует из приведенной цитаты.

Нет особой нужды напоминать, сколь важна в юриспруденции точность терминологии. Поэтому трудно согласиться с приведенной классификацией составов, в основе которой, по сути дела, лежат четыре различных значения, которые автор вкладывает в термин «состав преступления». Последнее значение (состав как реальное деяние) не имеет ничего общего с составом преступления как нормативной моделью преступления, его описанием в тексте закона. Два первых понятия (общий и родовой составы) также не имеют отношения к составу преступления. Это понятия, полученные путем обобщения всех составов, известных УК («общий состав»), или составов, описанных в одной из глав УК («родовой состав»). Бесспорно, это важные в гносеологическом (познавательном) смысле понятия, которые позволяют исследователю (ученому, студенту и т. д.) абстрагироваться от отдельных составов и подняться на более высокую ступень обобщения. Но составами преступлений эти категории не являются.

¹⁶³ Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. С. 102 (автор главы о составе преступления – Ю. И. Ляпунов).

¹⁶⁴ См.: Там же.

Контрольные вопросы

1. По каким основаниям возможно классифицировать составы преступлений?

2. Охарактеризуйте материальный состав преступления.

3. Охарактеризуйте формальный состав преступления.

4. Охарактеризуйте формально-материальный состав преступления.

Приведите примеры таких составов.

5. Каких составов больше всего в УК РФ с позиции их деления на формальные, материальные и формально-материальные?

6. Что является основанием выделения составов создания опасности и усеченных составов преступлений?

7. Дайте характеристику простого состава преступления.

8. Охарактеризуйте сложный состав преступления.

9. Какие подвиды сложных составов преступлений можно выделить?

Приведите примеры.

10. Охарактеризуйте альтернативный состав преступления. Какое значение для квалификации имеет его выделение?

11. Охарактеризуйте основной состав преступления.

12. Охарактеризуйте квалифицированный состав преступления.

13. Дайте характеристику привилегированного состава преступления.

Приведите примеры. Является ли привилегированным состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 107 УК?

14. Какое значение имеет выделение общих и специальных составов преступлений?

15. Проанализируйте составы преступлений, названных в главе 16 УК. Определите их место в основных классификациях составов преступлений.

16. Проанализируйте составы преступлений, названных в главе 19 УК. Определите их место в основных классификациях составов преступлений.

17. Проанализируйте составы преступлений, названных в главе 22 УК. Определите их место в основных классификациях составов преступлений.

18. Проанализируйте составы преступлений, названных в главе 24 УК. Определите их место в основных классификациях составов преступлений.

19. Проанализируйте составы преступлений, названных в главе 30 УК. Определите их место в основных классификациях составов преступлений.

20. Определите природу составов контрабанды, предусмотренных ч. 2–4 ст. 188 УК РФ.

Заключение

В завершение сформулируем основные выводы, сделанные в настоящей работе.

По нашему убеждению, главное в составе преступления – это его нормативная природа (т. е. фиксация всех его признаков в уголовном законе), «формальная» сущность (состав – воплощение признака уголовной противоправности) и его способность характеризовать деяние как предусмотренное в качестве определенного преступления (а не преступного вообще). Первая черта из названных получает сегодня все большее признание в доктрине. Можно сказать, что лагерь «нормативистов» растет с каждым днем. Две другие главные черты состава мы постарались отразить в дефиниции понятия, уточнив традиционное (классическое) его определение. В итоге получили следующую формулу: состав преступления – это система признаков, характеризующих деяние как предусмотренное уголовным законом в качестве определенного преступления (т. е. указанного в части статьи или неделимой статье Особенной части УК, со ссылкой на ст. 30, 33 УК или без таковой). Эта дефиниция условна, поскольку в полном объеме, т. е. в единстве всех своих признаков, состав преступления содержится в целом в уголовном законе. Но в дефиниции важно было отразить рамки состава в Особенной части. Упоминание же ст. 30 и 33 УК продиктовано учетом функции состава в процессе квалификации (как ее основания). В силу прямого указания УК на эти две статьи Общей части Кодекса обязательно делается ссылка при квалификации преступления. Все эти соображения относительно рамок состава имели своей целью лишь одно – конкретизацию преступления, в качестве которого состав преступления характеризует содеянное. Логическим следствием приведенных общих посылок стала не только авторская дефиниция состава, но и предложение *de lege ferenda* о новой редакции ст. 8 УК: «Основанием уголовной ответственности является совершение общественно опасного деяния, признаки которого соответствуют составу преступления, предусмотренному настоящим Кодексом». Потребность в модернизации ст. 8 УК вызвана тем, что, во-первых, состав содержится не в реальном преступлении, а в уголовном законе, во-вторых, общественная опас-

ность преступления лежит за его рамками и, в-третьих, для обоснования уголовной ответственности отнюдь не требуется всех его признаков (ввиду факультативности ряда из них). Отсюда соответствие содеянного составу еще не означает, что перед нами преступление, это означает лишь установление признака запрещенности. Для итогового же вывода о совершении преступления требуется признание содеянного общественно опасным деянием (т. е. не малозначительным). Данное видоизменение ст. 8 УК предполагает соответствующую модификацию ряда иных предписаний УК, в которых упоминается состав преступления (ч. 1 ст. 29, ч. 3 ст. 31 и др.). Кроме того, нам представляется разумным введение в ст. 24 УПК РФ дополнительного основания прекращения дела и отказа в его возбуждении – «малозначительность деяния», а также уточнение п. 2 ч. 1 ст. 24 и ст. 302 УПК. Основанием отказа в возбуждении дела, прекращения возбужденного и вынесения оправдательного приговора должно быть признано, по нашему мнению, несоответствие признаков совершенного деяния составу преступления.

Правильное понимание состава преступления трудно переоценить как для практики применения УК, так и для уголовного правотворчества. В частности, в квалификации преступлений при частичной реализации субъектом умысла принципиальное значение имеет соответствие содеянного составу, обрисованному в части статьи УК, а не отдельном ее пункте. В уголовном правотворчестве состав преступления выступает объектом конструирования, поэтому четкое его понимание является несомненным залогом правильного его построения и последующего применения. Задача же науки уголовного права видится нам в выработке оптимальных средств, приемов и правил конструирования состава. Классификации составов преступлений во многом определяются его трактовкой. Например, исходя из наших воззрений на его рамки в Особенной части есть все основания выделять не только формальные и материальные, но и формально-материальные составы, среди сложных составов – не только альтернативные и безальтернативные, но и смешанные («альтернативно-безальтернативные») составы.

И последняя ремарка. Мы не претендовали и не претендуем не только на истинность, но и на универсальность выводов, сделанных в работе. Наши суждения о составе преступления уместны только «здесь и сейчас». Во-первых, они основаны на действующем УК РФ, ибо он выступает местом «дислокации» состава. Существенное изменение закона (например, легального определения преступления, структуры Особенной части УК) может изменить сущность состава, которую мы увидели в составе через призму действующего УК. Во-вторых, выводы автора генетически связаны с отечественной уголовно-правовой доктриной. В российской доктрине понятие состава преступления эволюционировало особым образом, оно прошло собственный неповторимый путь развития. Например, у немцев или французов, англичан или японцев, у других наций это понятие имеет иную историю становления и **a priori иной смысл. Понятно, что германская теория состава нам близка, но она все равно другая.** Вина у немцев – самостоятельное условие ответственности (как основание упрека), выделяемое наряду с составом деяния, также включающим вину (но уже в психологическом смысле), и противоправностью. То есть немцы по-другому конструируют основание уголовной ответственности, поэтому и состав преступления у них понимается по-своему. У российской же науки «за плечами» самобытный советский период развития (эпоха ожесточенных дискуссий о составе), давший жизнь многим новаторским идеям относительно состава преступления, на которых в конечном итоге построен и ряд наших выводов. Поэтому любая кардинальная перестройка фундаментальных основ отечественной доктрины уголовного права приведет к безусловной трансформации и рассматриваемого фундаментального понятия. В настоящей же работе мы описали, каким должно быть, на наш взгляд, понимание состава преступления в России сегодня и каковы перспективы его дальнейшего развития.

Литература

Нормативно-правовой материал и иные официальные материалы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2010.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2010.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 г. № 8-П 1 «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. А. Асламазян» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2008. – № 4.
4. Новый уголовный кодекс Франции. – М., 1993.
5. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практич. комментарий. – М., 2010.
6. Уголовный кодекс Голландии. – СПб., 2000.
7. Уголовный кодекс Дании / научн. ред. и предисл. С. С. Беляева. СПб., 2001.
8. Уголовный кодекс Испании. – М., 1998.
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – СПб., 2001.
10. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск, 1999.
11. Уголовный кодекс Республики Болгария. – СПб., 2001.
12. Уголовный кодекс Республики Польша. – Минск, 1998.
13. Уголовный кодекс ФРГ. – М., 2000.
14. Уголовный кодекс Швейцарии. – СПб., 2001.
15. Уголовный кодекс Японии. – Владивосток, 2000.
16. Уголовное право США: сборник нормативных актов. – М., 1985.
17. Уголовный кодекс РСФСР. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. С изм. и доп. по состоянию на 1 июля 1994 г. – М., 1994.
18. Модельный Уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств // Международные право-

вые акты государств – участников СНГ в области борьбы с преступностью. – М., 1999.

19. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» // Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко. – М., 1999.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (в ред. от 03.12.2009 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 (ред. от 06.02.2007 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 6.

Теоретические источники

23. Агаев, И. Б. Состав преступления: понятие, элементы, значение: учеб. пособие / И. Б. Агаев. – М., 2008.

24. Актуальные вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2004.

25. Актуальные проблемы дифференциации ответственности и законодательная техника в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2003.

26. Алексеев, Н. С. Основание уголовной ответственности по советскому праву / Н. С. Алексеев, В. Г. Смирнов, М. Д. Шаргородский // Правоведение. – 1961 –. № 2. – С. 72–79.

27. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1981. – Т. I.

28. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск, 1973. – Т. 2.

29. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М., 1975.
30. Алексеев, С. С. Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1982. – Т. II.
31. Алиев, Н. Б. Теоретические основы советского уголовного правотворчества / Н. Б. Алиев. – Ростов, 1986.
32. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях; биографический очерк и перевод книги проф. М. М. Исаева / Ч. Беккариа. – М., 1939.
33. Бентам, И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М., 1998.
34. Бессонова, И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Бессонова. – М., 2002.
35. Благов, Е. В. Актуальные проблемы уголовного права (Общая часть) / Е. В. Благов. – Ярославль, 2008.
36. Благов, Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика) / Е. В. Благов. – Ярославль, 2003.
37. Благов, Е. В. Общая теория применения уголовного права / Е. В. Благов. – Ярославль, 2003.
38. Благов, Е. В. Основы применения уголовного права / Е. В. Благов. – Ярославль, 1992.
39. Благов, Е. В. Квалификация и наказание при совершении нескольких преступлений / Е. В. Благов. – Ярославль, 2006.
40. Благов, Е. В. Основы применения уголовного права: учебное пособие / Е. В. Благов. – Ярославль, 1992.
41. Благов, Е. В. Применение уголовного права (теория и практика) / Е. В. Благов. – СПб., 2004.
42. Благов, Е. В. Теория применения уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Благов. – СПб., 2005.
43. Благов, Е. В. Учебно-практический комментарий Уголовного Кодекса Российской Федерации (Общая часть) / Е. В. Благов. – Ярославль, 1997.
44. Борбат, А. В. Состав преступления как основание уголовной ответственности. Материал подготовлен для системы «Кон-

сультантПлюс» / А. В. Борбат, Б. Д. Завидов, А. В. Ендольцева, А. И. Милевский // СПС «КонсультантПлюс», 2005.

45. Бражник, С. Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. Д. Бражник. – Ижевск, 2002.

46. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я. М. Брайнин. – М., 1963.

47. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – СПб., 2005.

48. Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса РФ). – Ярославль, 1994.

49. Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1997.

50. Ворошилин, Е. В. Еще раз к вопросу о соотношении состава преступления и преступления / Е. В. Ворошилин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции (24–25 января 2008 г.) – М., 2008. – С. 157–159.

51. Гаврилов, Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты / Б. Я. Гаврилов. – М., 2008.

52. Гаухман, Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность / Л. Д. Гаухман // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). – М., 2002. – С. 48–61.

53. Гонтарь, И. Я. Концепция состава преступления в российском уголовном праве: сложившееся понимание и перспектива дальнейшего развития / И. Я. Гонтарь // Правоведение. – 2008. – № 3. – С. 41–51.

54. Гонтарь, И. Я. Преступление и состав преступления как явления и понятия в уголовном праве (логико-методологические аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Я. Гонтарь. – Владивосток, 1997.

55. Грошев, А. В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики): монография / А. В. Грошев. – Краснодар, 2008.

56. Демидов, В. В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ / В. В. Демидов // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 3. – С. 21–24.

57. Денисов, Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности / Ю. А. Денисов. – Л., 1983.

58. Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2001.

59. Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2002.

60. Дурманов, Н. Д. Понятие преступления / Н. Д. Дурманов. – М.; Л., 1948.

61. Дурманов, Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н. Д. Дурманов. – М., 1955.

62. Дурманов, Н. Д. Советский уголовный закон / Н. Д. Дурманов. – М., 1967.

63. Дуюнов, В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. К. Дуюнов. – М., 2001.

64. Жеребкин, В. Е. Логический анализ понятий права / В. Е. Жеребкин. – Киев, 1976.

65. Законодательная техника / под ред. Д. А. Керимова. – Л., 1965.

66. Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: сб. науч. статей / Под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2005.

67. Зуев, Ю. Г. Презумпции в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Г. Зуев. – Казань, 2000.

68. Иванчин, А. В. Конструирование составов преступлений: разработка методики и пути совершенствования / А. В. Иванчин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы

Пятой международной научно-практической конференции (24–25 января 2008 г.). – М., 2008. – С. 66–69.

69. Иванчин, А. В. Методика конструирования состава преступления и совершенствование уголовного закона / А. В. Иванчин // Проблемы совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: Материалы Международной научно-практической конференции. – Вологда, 2006. – С. 77–82.

70. Иванчин, А. В. Системный подход к конструированию состава преступления / А. В. Иванчин // Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М., 2007. – С. 152–155.

71. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Иванчин. – Ярославль, 2002.

72. Изосимов, С. В. Нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / С. В. Изосимов, А. Г. Карпов. – Н. Новгород, 2008.

73. Ильюк, Е. В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Ильюк. – Свердловск, 1989.

74. Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве / В. Б. Исаков. – М., 1984.

75. Исаков, В. Б. Фактический состав в механизме уголовно-правового регулирования / В. Б. Исаков. – Саратов, 1980.

76. Каплин, М. Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Каплин. – Ярославль, 2002.

77. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М., 1974.

78. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2. Правотворческая практика, система и структура права: текст лекций / В. Н. Карташов. – Ярославль, 1996.

79. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. II. / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2006.

80. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества: учеб. пособие: в 2 т. Т. I. / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2005.
81. Категориальный аппарат уголовного права и процесса. – Ярославль, 1993.
82. Кириллов, В. И. Логика: учебник для юридических вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М., 1999.
83. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм / Т. В. Кленова. – Самара, 2001.
84. Кленова, Т. В. Соотнесение норм и предписаний в институтах уголовного права / Т. В. Кленова // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., – 2007. – С. 184–187.
85. Кленова, Т. В. Уголовно-правовая норма (понятие, структура, виды): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Кленова. – М., 1986.
86. Кленова, Т. В. Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование: пособие к спецкурсу / Т. В. Кленова. – Самара, 1995.
87. Кобзева, Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе / Е. В. Кобзева; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2004.
88. Кобзева, Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Кобзева. – Саратов, 2002.
89. Ковалев, М. И. О технике уголовного законодательства / М. И. Ковалев // Правоведение. – 1962. – № 3.
90. Ковалев, М. И. Оптимальное соотношение формального и оценочного в уголовном законе / М. И. Ковалев // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 69–70.
91. Ковалев, М. И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право / М. И. Ковалев. – Свердловск, 1971.
92. Ковалев, М. И. Советское уголовное право: курс лекций. Вып. 2. Советский уголовный закон / М. И. Ковалев. – Свердловск, 1974.

93. Ковачев, Д. А. О понятии законодательной техники / Д. А. Ковачев // Учен. зап. ВНИИСЗ. – Вып. 18. – М., 1969. – С. 31–39.

94. Козаченко, И. Я. Санкции за преступления против жизни и здоровья: обусловленность, структура, функции, виды / И. Я. Козаченко. – Томск, 1987.

95. Козлов, А. П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / А. П. Козлов. – Красноярск, 2007.

96. Козлов, А. П. Понятие преступления / А. П. Козлов. – СПб., 2004.

97. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М., 2005.

98. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / под ред. С. И. Никулина. – М., 2001.

99. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / отв. ред. В. И. Радченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.

100. Коняхин, В. П. Система половых преступлений и перспектива ее совершенствования / В. П. Коняхин // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М., 2007. – С. 200–202.

101. Коняхин, В. П. Источники уголовно-правовых норм Общей части / В. П. Коняхин // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 39–43.

102. Коняхин, В. П. Нормы Общей части УК РСФСР: содержание, виды, функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Коняхин. – М., 1985.

103. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В. П. Коняхин; предисл. А. В. Наумова. – СПб., 2002.

104. Коняхин, В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Коняхин. – Краснодар, 2002.

105. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Изд. 9-е. – СПб., 1914.

106. Костарева, Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности) / Т. А. Костарева. – Ярославль, 1993.

107. Кригер, Г. А. Определение форм вины / Г. А. Кригер // Сов. юстиция. – 1979. – № 20. – С. 5–8.

108. Кругликов Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л. Л. Кругликов// Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. – Ярославль, 1996.

109. Кругликов Л. Л. Этапы становления учения о составе преступления / Л. Л. Кругликов// Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции (24–25 января 2008 г.). – М., 2008. – С. 122–127.

110. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб., 2003.

111. Кругликов, Л. Л., Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений / Л. Л. Кругликов, В. Н. Савинов. – Ярославль, 1989.

112. Кругликов, Л. Л., Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – СПб., 2008.

113. Кругликов, Л. Л. О конструировании квалифицированных составов преступлений / Л. Л. Кругликов // Правоведение. – 1989. – № 2. – С. 43–49.

114. Кругликов, Л. Л. О системе уголовного законодательства и Особенной части УК РФ / Л. Л. Кругликов // Юридические записки ЯрГУ им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 1999. – Вып. 3. – С. 171–186.

115. Кругликов, Л. Л. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления) / Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев. – Ярославль, 2000.

116. Кругликов, Л. Л. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения (вопросы конструирования со-

ставов и дифференциации ответственности) / Л. Л. Кругликов, О. Г. Соловьев. – Ярославль, 2003.

117. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982 – 1999 гг. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. – 200 с.

118. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории) / Л. Л. Кругликов. – Воронеж, 1985.

119. Кругликов, Л. Л. Способ совершения преступления (вопросы теории): автореф. ... канд. юрид. наук / Л. Л. Кругликов. – Свердловск, 1971.

120. Кругликов, Л. Л. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания) / Л. Л. Кругликов, Н. О. Дулатбеков. – Ярославль, 2001.

121. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб., 2005.

122. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1972.

123. Кудрявцев, В. Н. Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М., 1960.

124. Кудрявцев, В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1963.

125. Кудрявцев, В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – М., 1963.

126. Кудрявцев, В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М., 2001.

127. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н. Ф. Кузнецова. – М., 1958. – С. 20–31.

128. Кузнецова, Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства / Н. Ф. Кузнецова // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (31 мая – 1 июня 2001 г.). – М., 2002. – С. 7–12.

129. Кузнецова, Н. Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного Кодекса / Н. Ф. Кузнецова // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве (материальный и процессуальный аспекты). – Ярославль, 1995. – С. 12–25.

130. Кузнецова, Н. Ф. Наука российского уголовного права и законотворчество / Н. Ф. Кузнецова // История развития уголовного права и ее значение для современности: материалы V Международной научно-практической конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 26–27 мая 2005 г. – М., 2006. – С. 250–256.

131. Кузнецова, Н. Ф. О совершенствовании уголовного закона / Н. Ф. Кузнецова // Рос. юстиция. – 2009. – № 5.

132. Кузнецова, Н. Ф. Преступление, состав преступления, диспозиция уголовно-правовой нормы / Н. Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 11. Право. – 1967. – № 4. – С. 35–48.

133. Кузнецова, Н. Ф. Состав преступления: спорные вопросы / Н. Ф. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. – Серия 11. Право. – 1987. – № 4. – С. 15–29.

134. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. I / отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Л., 1968.

135. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М., 1999.

136. Курылев, С. В. О структуре юридической нормы / С. В. Курылев // Труды Иркутск. гос. ун-та. – Т. XXVII, вып. 4. – 1958. – С. 45–58.

137. Левинова, Т. А. Законодательная регламентация реабилитирующих оснований прекращения уголовных дел (оправдания) / Т. А. Левинова // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2000. – С. 138–145.

138. Лесниевски-Костарева, Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М., 1998.

139. Лопашенко, Н. А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. – М., 2005. – С. 208.

140. Лопашенко, Н. А. Соотношение преступления и состава преступления / Н. А. Лопашенко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. – М., 2007. – С. 128–134.

141. Лопашенко, Н. А. Вопросы совершенствования норм главы 22 УК РФ. Проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ (с пояснительной запиской)» / Н. А. Лопашенко // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. статей. Вып. 1 / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2000. – С. 3–33.

142. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – СПб., 2004.

143. Люблинский, П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Люблинский П. И. ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М., 2004.

144. Мальцев, В. В. Ответственность за преступления против собственности / В. В. Мальцев. – Волгоград, 1999.

145. Михлин, А. С. Последствия преступления / А. С. Михлин. – М., 1969.

146. Мотовиловкер, Е. Я. Норма, отношение и ответственность в уголовном праве / Е. Я. Мотовиловкер // Уголовная ответственность: проблемы содержания, установления, реализации: Межвуз. сб. науч. труд. – Воронеж, 1989. – С. 34–46.

147. Мотовиловкер, Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж, 1990.

148. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А. В. Наумов. – М., 1996.

149. Наумов, А. В. О коррупционных возможностях широкого усмотрения правоприменителя в уголовных делах и пробелах в новом антикоррупционном законодательстве / А. В. Наумов // Актуальные проблемы реализации национальной антикоррупционной политики. Вторые Кудрявцевские чтения (10 апреля

2009 г.): сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Максимов. – М., 2010. – С. 110–116.

150. Наумов, А. В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность / А. В. Наумов // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М.: ИГПАН, 1984. – С. 12–23.

151. Незнамова, З. А. Коллизии в уголовном праве / З. А. Незнамова. – Екатеринбург, 1994.

152. Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2000.

153. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – М., 1982.

154. Офицерова, А. В. Нецелевое расходование бюджетных средств: проблемы законодательной регламентации, пенализации и квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Офицерова. – Саратов, 2010.

155. Петрова, Г. О. Норма и правоотношение – средства уголовно-правового регулирования (теоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г. О. Петрова. – Н. Новгород, 1999.

156. Пикуров, Н. И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. И. Пикуров. – Волгоград, 1998.

157. Пионтковский, А. А. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Том II. Преступление / А. А. Пионтковский. – М., 1970.

158. Питецкий, В. В. Оценочные понятия в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Питецкий. – Свердловск, 1979.

159. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. – СПб., 2008.

160. Поройко, М. С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. С. Поройко. – Казань, 2000.

161. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Вып. 1. – Ярославль, 2006.

162. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Вып. 2. – Ярославль, 2007.

163. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Вып. 3. – Ярославль, 2008.

164. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Вып. 4. – Ярославль, 2009.

165. Проблемы совершенствования юридической техники и дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Вып. 5. – Ярославль, 2010.

166. Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1996.

167. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М., 2008.

168. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность / В. С. Прохоров. – Л., 1984.

169. Прохоров, В. С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев, А. Н. Тарбагаев. – Красноярск, 1989.

170. Пудовочкин, Ю. Е. Учение о составе преступления: учебное пособие / Ю. Е. Пудовочкин. – М., 2009.

171. Пухтий, Е. Е. Преступления против семьи и несовершеннолетних: вопросы законодательной техники и дифференциации

ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Пухтий. – Казань, 2004.

172. Радаева, Н. Л. Лингвистические основания толкования уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Л. Радаева. – Волгоград, 2004.

173. Ремизов, М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против интересов публичной службы (гл. 30 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Ремизов. – Казань, 2004.

174. Розенталь, Д. Э. Русский язык: пособие для поступающих в вузы / Д. Э. Розенталь. – 5-е изд. – М., 1994.

175. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – М., 1997.

176. Российское уголовное право: учеб. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.

177. Семенов, И. А. Законодательная техника советского уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. А. Семенов. – Свердловск, 1983.

178. Системность в уголовном праве: материалы II Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М., 2007.

179. Ситникова А. И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления / А. И. Ситникова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Пятой международной научно-практической конференции (24–25 января 2008 г.). – М., 2008. – С. 73–76.

180. Совершенствование уголовно-правовых средств борьбы с бюджетными и иными экономическими преступлениями в изменяющейся России (проблемы дифференциации ответственности и законодательной техники): сб. науч. статей / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – Ярославль, 2008.

181. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. – М., 1981.

182. Соловьев, О. Г. О приемах законодательной техники, используемых при описании объективной стороны налоговых пре-

ступлений / О. Г. Соловьев // Налоговые и иные экономические преступления: сб. науч. статей. Вып. 5 / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2002. – С. 62–73.

183. Соловьев, О. Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Г. Соловьев. – Казань, 2002.

184. Соловьев, О. Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники / О. Г. Соловьев. – Ярославль, 2008.

185. Соловьев, О. Г. Юридическая техника в механизме уголовно-правового регулирования: проблемы теории и практики: учеб. пособие / О. Г. Соловьев. – Ярославль, 2008.

186. Спасович, В. Учебник уголовного права. Т. 1 / В. Спасович. – СПб., 1863.

187. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – М., 1994.

188. Тенчов, Э. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники / Э. С. Тенчов, А. Драченев // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. – Ярославль, 1997.

189. Тенчов, Э. С. Институты уголовного права: система и взаимосвязь / Э. С. Тенчов // Советское государство и право. – 1986. – № 8. – С. 60–66.

190. Томашевский, Н. П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов / Н. П. Томашевский // Вопросы общей теории советского права. – М., 1960. – С. 45–58.

191. Трайнин, А. Н. Избранные труды / А. Н. Трайнин; сост., вступ. статья Н. Ф. Кузнецовой. – СПб., 2004.

192. Трайнин, А. Н. Учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1946.

193. Трайнин, А. Н. Общее учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М., 1957.

194. Трайнин, А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву / А. Н. Трайнин. – М., 1951.

195. Тулиглович, М. А. Структура уголовно-правовой нормы. автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Тулиглович. – Омск, 2006.
196. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Ф. Р. Сундурова, И. А. Тарханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
197. Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. – М., 1996.
198. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. – 2-е изд., испр. и доп. . – М., 2009.
199. Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.
200. Уголовное право России: Общая часть / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. – СПб., 2006.
201. Уголовное право России: Часть Особенная: учебник для вузов / под ред. Л. Л. Кругликова. – М., 2004.
202. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. – Изд. испр. и доп. – М., 2006.
203. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов / под ред. Н. Г. Кадникова. – М., 2006.
204. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. – М., 1997.
205. Уголовное право: История юридической науки / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 1987.
206. Уголовное право: Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. – М., 1998.
207. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – М., 1987.
208. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. – СПб., 2009.

209. Фельдштейн, Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М., 2003.
210. Фельдштейн, Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г. С. Фельдштейн. – Ярославль, 1909.
211. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург, 1993.
212. Шарапов, Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? / Р. Шарапов // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 51–55.
213. Шаргородский, М. Д. Избранные труды / М. Д. Шаргородский ; сост. и предисл. Б. В. Волженкина. – СПб., 2004.
214. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб., 2005.
215. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб., 2005.
216. Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1998.
217. Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. науч. статей / Под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1999.
218. Ялин, А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности / А. Ялин // Рос. юстиция. – 2001. – № 2. – С. 57–59.
219. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной. – Ярославль, 2009.

Оглавление

Введение	3
Глава I. Характеристика состава преступления	6
§ 1. Понятие состава преступления	6
§ 2. Соотношение состава преступления, преступления и малозначительного деяния	23
§ 3. Структура состава преступления и общая характеристика его элементов	42
Контрольные вопросы	50
Глава II. Значение состава преступления	51
§ 1. Значение состава преступления в правоприменительной практике.....	51
§ 2. Значение состава преступления в уголовном правотворчестве	58
Контрольные вопросы	77
Глава III. Деление составов преступлений	79
§ 1. Формальные, материальные и формально- материальные составы преступлений	79
§ 2. Простые и сложные составы преступлений	86
§ 3. Основные, квалифицированные и привилегированные составы преступлений	92
§ 4. Иные классификации составов преступлений	99
Контрольные вопросы	103
Заключение	104
Литература	107

Учебное издание

Серия

«Ярославская юридическая школа начала XXI века»

Иванчин Артем Владимирович

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Учебное пособие

Редактор, корректор М. Э. Левакова
Верстка И. Н. Иванова

Подписано в печать 14.01.11. Формат 60×84 1/16.
Бум. офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 6,29.
Тираж 150 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен
в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001
150049, г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49